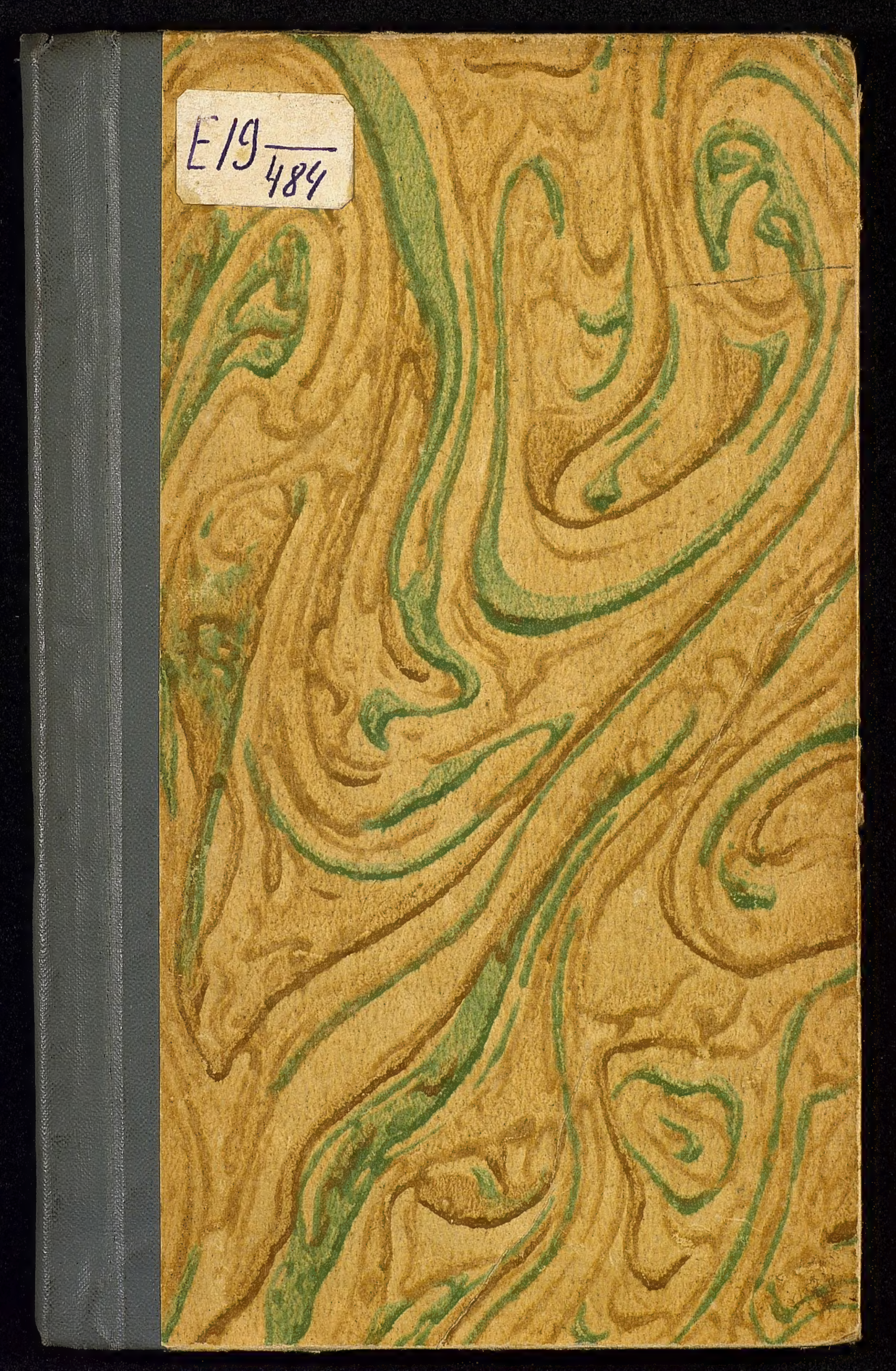

Н. Федоровъ и Н. Е-въ.

АВСТРО-СЕРБСКАЯ ВОЙНА!

ЕЯ ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ТЕАТРА ВОЙНЫ И ПОРТРЕТОВЪ ВЕРХОВНЫХЪ ВОЖДЕЙ СЕРБІИ И АВСТРО-ВЕНГРІИ)

1914 г.

ЦѢНА 75 КОП.

С.-Петербургъ. Изд-ца Е. А. Молчанова.

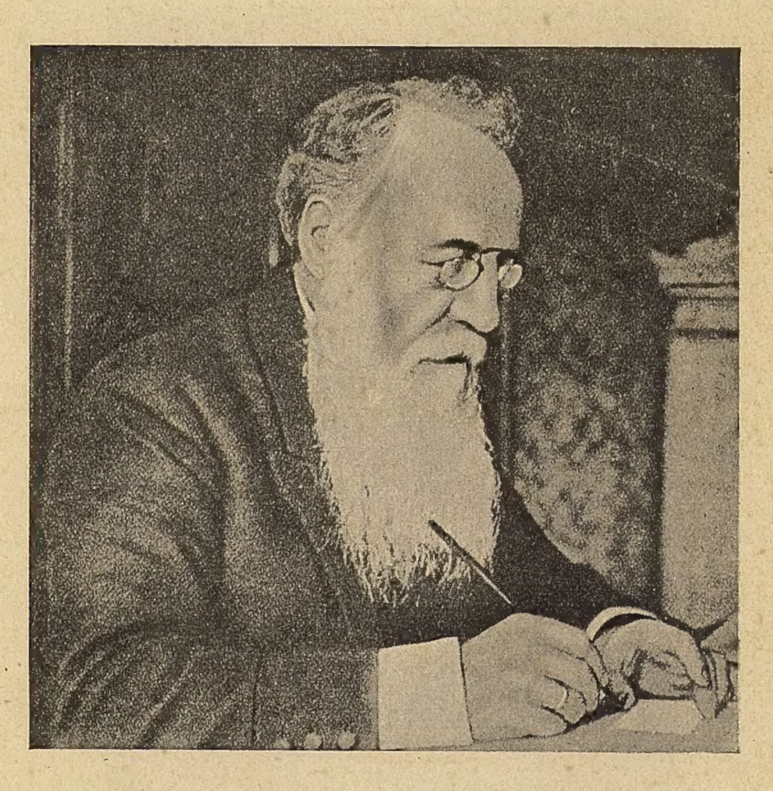
Петръ I.
Сербскій Король

Францъ Іосифъ I.
Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій.

Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ, убитый въ Сараевѣ 15 іюня 1914 г.

Н. Пашичъ.
Министръ-Президентъ Сербіи.

Н. Федоровъ и Н. Е—въ.

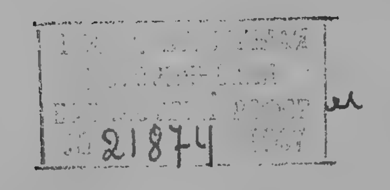
АВСТРО-СЕРБСКАЯ
ВОЙНА!

ея причины и возможныя послѣдствія.

1914 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Женская Типографія. Коломенская, 39.
1914.

21874

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось какъ съ монархіею греческою.
Императоръ: *Петръ Великій.*

Австро-Сербская война и вытекающая изъ самого факта ея реализаціи угроза обще-европейскому миру—событіе исключительной важности даже для тѣхъ, кто еще вчера говорилъ, что ему нѣтъ дѣла до политики, что онъ космополитъ и пр. Эта война можетъ создать самыя неожиданныя послѣдствія для *каждаго изъ насъ*, столь-же неожиданныя сколь неожиданною оказалась сама Австро-Сербская война для Императора Франца-Іосифа, еще недавно всячески покровительствовавшаго идеѣ „Долой оружіе" Берты фонъ Суттнеръ и заявлявшаго во всеуслышаніе: „что-бы ни говорили, война, по своей природѣ, вовсе не составляетъ неустрашимой необходимости, т. к. достаточно нѣсколько ума и умѣнія владѣть собою, чтобы отвратить ее". Францъ-Іосифъ ея не отвратилъ... Не отвратилъ, несмотря на то, что къ войнѣ прибѣгаютъ только тогда, когда обыкновенные дипломатическіе переговоры оказываются безсильными для возстановленія нарушеннаго согласія.

Мы переживаемъ сейчасъ тотъ историческій моментъ, когда славянство стало лицомъ къ лицу передъ пангерманизмомъ, уже не бряцающимъ оружіемъ страха ради, а обратившимъ его, во всей его разрушительной силѣ, на дорогой намъ очагъ славянства!

Бѣлградъ вь рукахъ австрійцевъ!...

Русскіе, проникнитесь всей важностью этого событія!

Помните: наша военная исторія свидѣтельствуетъ, что

война всегда и во всѣ времена, стихійно и сознательно, почиталась у насъ дѣломъ священнымъ, великимъ и важнымъ актомъ. Война всегда была у Русскихъ дѣломъ народнымъ! война всегда была у насъ войною за Вѣру, Царя и Отечество, въ широкомъ и глубокомъ значеніи этихъ священныхъ словъ.

Мы не хотимъ войны. Но есть нѣчто высшее, чѣмъ наши желанья: — *нашъ долгъ.* Онъ намъ говоритъ „иди", мы пойдемъ, какія-бы жертвы намъ не пришлось перенести.

Въ эти дни, когда рѣшается участь Сербіи, полезно вспомнить незабвенныя слова И. Аксакова:

„*Защитительная война*—дѣло не только чести, но, что всего важнѣе, и совѣсти народной. Совѣсть зоветъ и поднимаетъ ее на брань; она-то творитъ это дивное священно дѣйствіе сердецъ, проявляющееся въ любви, самопожертвованіи, молитвѣ на всемъ необъятномъ пространствѣ нашей земли. Эта война ея духу потребна; эта война... *въ освобожденіе порабощенныхъ и угнетенныхъ*; эта война праведная, эта война подвигъ святой, великій, которою сподобляетъ Господь Святую Русь".

Часъ терпѣнія Святой Руси насталъ. И тотъ, кто въ этомъ сомнѣвается, пусть внимательно прочтетъ безпристрастное изложеніе исторіи Австрійской политики, приведшей ее сначала къ захвату древне-сербскихъ провинцій Босніи и Герцоговины, а когда это сошло безнаказанно съ рукъ, къ взятію Бѣлграда,—славной столицы родной намъ Сербіи и оплота славянства на ближнемъ Востокѣ!

Исторія Австрійскихъ притязаній на Балканахъ.

Австрійскій ультиматумъ 10-го іюля с. г. не явился неожиданностью для Европы.—Политика Австро-Венгріи уже давно клонила къ умаленію самостоятельности славянскихъ государствъ и въ частности Сербіи.

По Парижскому договору 1856 г. право покровительства надъ всѣми турецкими христіанами, въ томъ числѣ, конечно, и надъ сербами, перешло къ великимъ державамъ. Австрія

использовала это покровительство на свой ладъ, преслѣдуя исключительно матеріальныя выгоды и эксплуатируя „опекаемыхъ“ елико возможно. Въ этой политикѣ Австрію постоянно поддерживала Германія, цѣлью которой было отвлечь Австрію отъ германскихъ дѣлъ и обратить ея интересы на Балканскій полуостровъ. Хитрая политика Германіи началась еще во время присоединенія къ ней Шлезвигъ—Гольштиніи. Вотъ что объ этомъ разсказывалъ въ свое время Бисмаркъ „Это — то дипломатическое дѣяніе, которымъ я наиболѣе горжусь. О завоеваніи Шлезвигъ—Гольштейна я сталъ думать тотчасъ вслѣдъ за смертью датскаго короля. Но осуществить это было трудно—все было противъ меня... Самъ король долго не хотѣлъ объ этомъ слышать. *У насъ состоялось въ то время совѣщаніе министровъ, на которомъ я изложилъ моимъ слушателямъ относительно Австріи такія вещи, которыя имъ казались преувеличенными и невозможными; судя по ихъ минамъ, они положительно думали, что я выпилъ лишнее за завтракомъ*“. *Утверждаютъ, будто въ совѣтѣ министровъ онъ ручался, что изъ совмѣстнаго дѣйствія съ Австріею Бисмаркъ извлечетъ средства къ тому, чтобы вытѣснить Австрію изъ Германскаго союза* *).

Въ другой изъ бесѣдъ Бисмарка, а именно съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Карольи, германскій „честный маклеръ“ высказался еще опредѣленнѣе. Невозмутимымъ тономъ историка онъ повѣствовалъ о томъ, что отношенія Австріи къ Пруссіи могутъ улучшиться или ухудшиться; что Пруссія желаетъ перваго, но приготовлена и къ послѣднему. — Однако, еслибы Франція напала на Австрію, то Пруссія все-таки будетъ дѣйствовать въ союзѣ съ Австріею,— замѣтилъ Карольи. Въ отвѣтъ на это *Бисмаркъ* настоятельно просилъ его всячески стараться разсѣять въ Вѣнѣ подобную иллюзію, завѣривъ его, что исключительно только отъ образа дѣйствій Австріи въ Германіи будетъ зависѣть то— возстановится ли прежняя дружба, или Пруссія вступитъ въ союзъ съ противниками Австріи. *Пруссія желала бы*

*) Rathlef. „Bismarck und Oesterreich bis 1866“. 1893, стр. 48.

идти объ руку съ Австріей, но для этого надо, чтобы Австрія отказалась отъ враждебнаго для Пруссіи воздѣйствія на германскіе дворы. „Это не возможно, — возразилъ Карольи,—это было бы равнозначаще съ вытѣсненіемъ насъ изъ Германіи“.—„Ну, такъ перенесите вашъ центръ тяжести на востокъ“—воскликнулъ Бисмаркъ.

Какъ мы знаемъ, Австрія въ концѣ концовъ послушалась этого „мудраго“ совѣта „честнаго маклера“. Однако, еще *въ январѣ 1867 года, т. е. черезъ полгода по заключеніи мира съ Пруссіею, заявляла Россіи готовность разрѣшить въ согласіи съ ней восточный вопросъ, если бы только Россія захотѣла помочь ей противъ Пруссіи. Но когда Россія на это не пошла, потому что уже не опасалась противодѣйствія Австріи, ослабленной выходомъ изъ германскаго союза, и предпочитала рѣшать восточный вопросъ одна, Пруссія, въ свою очередь, сдѣлала вѣнскому двору 14 апрѣля 1867 г. предложеніе —поддерживать Австрію въ восточныхъ дѣлахъ противъ Россіи.*

Между тѣмъ Россія съ своей стороны ровно ничѣмъ не вызывала враждебныхъ отношеній къ себѣ Пруссіи. Наоборотъ: *война Пруссіи съ Австріею въ 1866 году* и франко-прусская война 1870 года могли доставить Пруссіи столь блестящіе результаты лишь вслѣдствіе перемѣны во взглядахъ на объединеніе Германіи Русскаго правительства.

Услугу Россіи оффиціально призналъ даже самъ король Вильгельмъ. Въ телеграммѣ къ Императору Александру II отъ 7 февраля 1871 г. онъ писалъ: „Пруссія никогда не забудетъ, что она Вамъ обязана тѣмъ, что война не приняла болѣе широкихъ размѣровъ. Благословеніе Божіе на Васъ! Навсегда Вамъ благодарный Вильгельмъ“.

Двойственная политика Германіи относительно Россіи отчетливѣе всего проявилась при заключеніи Санъ-Стефанскаго мира. Какъ извѣстно по этому миру Черногорія, Сербія и Румынія были объявлены независимыми отъ Турціи. Болгарія, восточная Румелія и Македонія образовали Болгарское княжество, а Босніи и Герцоговинѣ представлено было самоуправленіе подъ властью христіанскаго губернатора.

Заключивъ съ Портою въ Санъ-Стефано трактатъ окончательный, обѣими сторонами уже ратификованный, Россія допустила передѣлку его на берлинскомъ конгрессѣ, съ урѣзкою значительной части восточной Румеліи. Допустивъ временное занятіе австрійцами Босніи и Герцоговины, Россія не протестовала противъ безсрочности этого занятія фактически переходившаго въ занятіе окончательное. Занятіе Босніи и Герцоговины было важнымъ шагомъ къ этой цѣли, вдвойнѣ выгоднымъ для Германіи. Съ одной стороны, оно обозначаетъ путь, на которомъ со временемъ Германія могла бы вознаградить Австрію за отнятіе у нея нѣмецкихъ провинцій для окончательнаго завершенія германскаго единства, а съ *другой—цѣль болѣе близкая—занятіе Босніи и Герцоговины дѣлало изъ Австріи естественную соперницу и противницу Россіи въ восточномъ вопросѣ, а тѣмъ самымъ обѣ эти державы становились менѣе опасными для Германіи.* Для Австріи устанавливалась, вслѣдствіе того, потребность до нѣкоторой степени постоянно подчиняться Германіи; а въ случаѣ, еслибы Австрія стала искать новыхъ союзовъ, то для Германіи открылась бы возможность опереться противъ нея на Россію. *Австрія первая и возвысила голосъ противъ санъ-стефанскаго трактата.* Но при этомъ-то и невозможно было не поставить вопросъ: куда же дѣвались прежнія обѣщанія Германіи, что она устранитъ какія-либо осложненія со стороны Австріи?

Россія имѣла основаніе вѣрить, что Германія сдержитъ свое слово, какъ Россія исполнила свое обѣщаніе въ 1870 году. Положеніе было сходное: не заручившись обѣщаніемъ Россіи сдерживать Австрію, Германія въ 1870 году не могла бы рѣшиться на войну, въ которой имѣла бы противъ себя двѣ, а можетъ быть и три державы. Безъ обѣщанія Бисмарка сдерживать Австрію, Россія, быть можетъ, не рѣшилась бы на войну 1877 года. Между тѣмъ, *успокоивъ на этотъ счетъ Россію, а впослѣдствіи не сдержавъ обѣщанія, Германія, съ намѣреніемъ или нѣтъ, но какъ бы вовлекла Россію въ войну, изъ которой потомъ помѣшала ей извлечь результаты, которые бы сколько-нибудь соотвѣтствовали огромнымъ жертвамъ людьми и деньгами.*

Посылка генерала Мантейфеля въ Варшаву вѣдь имѣла же прямой цѣлью—убѣдить Россію, передъ началомъ войны, что моментъ для нея благопріятный и что подобный моментъ не скоро можетъ повториться. А между тѣмъ впослѣдствіи, *соглашенія кн. Бисмарка съ Австріею и рѣчи его въ рейхстагѣ не оставляли сомнѣнія, что въ затрудненіяхъ къ исполненію санъ-стефанскаго трактата онъ принималъ участіе.* Правда, онъ заявилъ въ то время, что хочетъ быть „*честнымъ маклеромъ*“. Но въ томъ-то и дѣло, что самой нужды въ маклерствѣ не могло бы быть, еслибы въ Вѣнѣ знали, что Германія столь же искренно и рѣшительно намѣрена была сдержать Австрію въ 1878 г., какъ Россія въ 1870 г. Но этого не было, и Россія, послѣ побѣды надъ Турціею, *оказалась стоящею лицомъ къ лицу съ двумя великими державами, открыто готовившимся къ войнѣ съ нею.*

„Временно“ занявъ Боснію и Герцоговину для водворенія въ ней порядка, Австрія начала самымъ энергичнымъ образомъ искоренять все національное, славянское. Угнетеніе началось уже вскорѣ послѣ Берлинскаго конгресса. Православнымъ сербамъ запрещено было строить храмы, поправлять старые, открывать училища, въ открытыхъ же учащіеся должны были употреблять латинскую азбуку вмѣсто славянской. Римскіе миссіонеры-іезуиты пріобрѣтали для сербовъ-католиковъ разныя преимущества. Всѣми мѣрами нѣмцы старались разорить поселянъ и принудить ихъ къ распродажи ихъ полевыхъ участковъ, чтобы такимъ образомъ очистить мѣсто для нѣмецкихъ колоній.

Въ Сербіи гнетъ Австріи особенно сильно почувствовался во время правленія ненавистнаго короля Милана (80-ые годы, *XIX* ст.). Миланъ явно заискивалъ у габсбурговъ: въ угоду имъ онъ преслѣдовалъ приверженцевъ русскихъ, запрещалъ обученіе русскому языку въ сербскихъ школахъ, давалъ преимущество австрійскимъ купцамъ.

Въ это царствованіе въ Женевѣ выходила газета „Сербія“, въ которой между прочимъ такъ опредѣлялась неизмѣнная политика вѣнской дипломатіи.

«*Drang nach Osten (стремленіе на востокъ)*, этотъ высшій

девизъ Нѣмцевъ, которому вѣнская дипломатія служитъ слѣпымъ орудіемъ, душитъ наше политическое и экономическое развитіе. Нашей національной будущности угрожаетъ это нѣмецкое нашествіе. Сербскія провинціи дѣлаются добычею ненасытныхъ нѣмцевъ, которые начинаютъ съ того, что давятъ насъ своими капиталами, а затѣмъ водворяются, какъ политическіе хозяева, у нашихъ очаговъ. Боснія и Герцоговина не что иное, какъ станція въ этомъ проникновеніи къ Востоку. Въ Македоніи уже повсюду чувствуется рука великихъ вѣнскихъ политическихъ іезуитовъ, старающихся открыть дорогу къ Салоникскому порту берлинскимъ союзникамъ. Сама Сербія, едва освободившаяся отъ турецкаго ига, полна нѣмецкихъ агентовъ, подкапывающихся подъ ея будущность, отдѣляя ее совсѣмъ отъ другихъ, сѣверныхъ и южныхъ славянъ. *Германское нашествіе, становящееся все сильнѣе, все неотразимѣе въ славянскихъ странахъ балканскаго полуострова, не имѣло бы уже предѣловъ, еслибы Чехи были побѣждены и раздавлены.* Австро-Венгрія, и теперь уже вѣрный спутникъ германскихъ стремленій, положила бы тогда всѣ силы и все свое существованіе на торжество всеобъемлющихъ интересовъ Германіи на юго-востокѣ Европы. Другимъ народностямъ Австріи осталось бы только платить дань деньгами и кровью, чтобъ обезпечить германское единство и владычество у насъ". Въ такомъ свѣтѣ видитъ австрійскую политику послѣ пораженія Чеховъ органъ сербскаго купечества *Trgovinski Glasnik.* Въ этомъ сужденіи почтенная газета становится выразителемъ мнѣнія значительнаго большинства сербскаго народа. „Вся Сербія нынѣ убѣждена, что побѣда Вольфа и его сторонниковъ германской лѣвой предвѣщала бы новое и энергичное проникновеніе нѣмецкихъ элемента и духа въ небольшія государства Балканскаго полуострова, и что эта побѣда была бы началомъ окончательнаго занятія юга Европы единой Великой Германіею.

„Сербскій народъ видитъ нѣкоторое сходство между борьбою Чеховъ за автономію и борьбою. которую онъ самъ выдержалъ за свою независимость. Защищая свою страну, Сербы явились оплотомъ европейской цивилизаціи. Точно

также храбрые Чехи, борясь за свою автономію, служатъ въ настоящее время оплотомъ всѣмъ Славянамъ, а, можетъ быть, и всей Европѣ, противъ германскаго нашествія, не менѣе опаснаго, не менѣе ненавистнаго. Масса сербскаго народа не имѣетъ возможности выразить свои симпатіи храбрымъ защитникамъ славянской солидарности; Обреновичи теперь полновластные хозяева страны и враждебны всякой народной манифестаціи. Но братья Чехи могутъ быть убѣждены, что сербскій народъ отъ всей души желаетъ имъ скорой побѣды, на благо всѣхъ славянскихъ странъ, и говоритъ имъ: „Впередъ, все впередъ! Вы пріобрѣли симпатіи всего цивилизованнаго міра, такъ какъ вы защищаете правое дѣло".

Государственный переворотъ короля Александра,—пишетъ А. Шерадамъ въ своемъ изслѣдованіи „Европа и Австрійскій вопросъ на рубежѣ XX столѣтія", послѣдовавшій черезъ нѣсколько дней послѣ появленія этой статьи, подтвердилъ справедливость вышесказанныхъ въ ней взглядовъ. *Сбросивъ иго германской политики, сербскій король сталъ рѣшительно подъ покровительство Императора Николая II*, который не замедлилъ проявить къ нему самое теплое расположеніе.

Въ 1909-мъ году Австрія уже нанесла Сербіи жестокій и окончательный ударъ.—Подъ вліяніемъ неизмѣнной политики Берлина и пользуясь растерянностью Россіи послѣ Японской войны, Австрія „на всегда" отняла у Сербію Боснію и Герцоговину, замѣнивъ форму временной окупаціи формой вѣчнаго владѣнія. Возмущенію и справедливому негодованію сербовъ не было предѣловъ. Аннексія старинныхъ сербскихъ земель была дерзкимъ шагомъ, на который графъ Эренталь могъ рѣшиться лишь заручившись поддержкой Германіи. Сербы молча должны были проглотить эту „пилюлю", почти безъ возраженія и безъ сопротивленія. Они не были готовы къ войнѣ такъ-же, какъ и ихъ Великая Защитница.

На что способна Австрія при „отливаніи пилюль" своимъ политическимъ врагамъ показываетъ рядъ уголовно-политическихъ процессовъ, созданныхъ австрійскими властями

для уличенія славянскихъ общественныхъ дѣятелей въ государственной измѣнѣ. Вспомнимъ, напр. процессъ сербо-хорватскихъ дѣятелей, извѣстный по фамиліи эксперта со стороны обвиненія д-ра Фридъюнга. Подсудимые изобличались въ подготовкѣ возстанія въ австро-сербскихъ земляхъ и сношеніяхъ ради этой цѣли съ сербскимъ правительствомъ. Противъ нихъ были собраны улики, не оставлявшія мѣстъ никакимъ сомнѣніямъ въ ихъ виновности: присяжныя показанія достовѣрныхъ свидѣтелей и письменные документы чрезычайной важности. Въ числѣ ихъ находились акты, составленные въ сербскихъ правительственныхъ канцеляріяхъ и по счастливой случайности оказавшіеся въ распоряженіи австро-венгерскаго посланника въ Бѣлградѣ графа Форгача.

Ученый экспертъ обвиненія д-ра Фридъюнгъ освѣтилъ всѣ добытыя данныя нелицепріятнымъ свѣтомъ исторической науки, и подсудимымъ, схваченнымъ съ поличнымъ въ рукахъ, осталось только ждать должной кары. И однако (о неслыханный позоръ!) оказалось, *что свидѣтели, клятвенно подтверждавшіе свои показанія*, были лжесвидѣтелями!!! Сербскіе правительственные акты *подложными*. Поддѣлка была сдѣлана такъ грубо и невѣжественно, что самъ ученый экспертъ обвиненія долженъ былъ въ концѣ концовъ сознаться въ своей *ошибкѣ* (?!) Невиновность подсудимыхъ, которыхъ долгіе мѣсяцы содержали въ заключеніи, обнаружилась съ такой ясностью, что *даже австрійскій судъ вынужденъ былъ вынести оправдательный приговоръ*. Все это дѣло оказалось грязной махинаціей, сооруженной австрійской дипломатіей и кругами, стоявшими близко къ бывшему наслѣднику австро-венгерскаго престола, которые пытались обличить сербское правительство въ преступной дѣятельности противъ Австріи.

Во время послѣдней Балканской войны между Турціей съ одной стороны и Черногоріей, Сербіей и Болгаріей съ другой Австрія сыграла далеко не благовидную роль. Самаже провоцировавъ эту войну, она затѣмъ негласно помогла Туркамъ. Блестящія совершенно неожиданныя для Австріи побѣды сербовъ при Кумановкѣ и Прилѣпѣ, конечно, показались угрожающими величію Вѣнскаго правительства. И

вотъ Австрія не желаетъ давать Сербіи выхода къ морю, для которой это является вопросомъ жизни. „Сербія многимъ пожертвовала при выработкѣ условій союза ради того, чтобы союзныя государства способствовали ей для достиженія своего вето,—говоритъ I. Табурно въ книгѣ „О сербскихъ битвахъ“,—и теперь двуликая монархія ставитъ ей свое вето! По какому праву?—Экономическіе интересы мои затрагиваются,—говоритъ она. Но вѣдь Сербія никогда не была вассаломъ Австріи? Что хорошаго она сдѣлала для Сербіи? Австрія не можетъ указать, какія ея жизненные интересы нарушаются существованіемъ сербскаго порта на Адріатическомъ морѣ. „Мы не хотимъ, говорятъ въ Вѣнѣ, имѣть между нами и Албаніею сосѣда вродѣ Сербіи“. Но существуетъ-же между Австріей и Албаніею Черногорія... Почему Балканскій рынокъ долженъ быть австрійскимъ? Почему онъ не долженъ быть русскимъ? Австрія и въ будущемъ можетъ конкурировать съ своей союзницей Германіей за обладаніе балканскимъ рынокомъ. Германія уже давно стала его отнимать у своей союзницы. По какому праву Австрія препятствуетъ Сербіи воспользоваться плодами ея матеріальныхъ жертвъ, пролитой крови, ея трудовъ по созданію и образованію крѣпкой и сильной арміи. По праву сильнаго“... Если обратимся къ исторіи, — продолжаетъ I. Табурно, то врядъ-ли исторія дастъ намъ матеріалъ, который бы указалъ на военные успѣхи Австріи въ прошломъ. „Зато много найдетъ матеріаловъ, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ ея хитрости и лукавства“...

При такой поистинѣ вѣроломной политикѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, если лѣтъ пять тому назадъ въ различныхъ центрахъ сербо-хорватской культуры зародилось чрезвычайно сильное теченіе общественной мысли, стремившееся, въ виду неизмѣнно насильническихъ тенденцій австрійской дипломатіи, къ культурному объединенію сербо-хорватскаго народа. Это теченіе поставило себѣ совершенно опредѣленный лозунгъ: бороться, въ области культуры и въ области политики, за созданіе такого положенія вещей, при которомъ политическія границы, искромсавшія сербо-хорватскій

народъ, не служили бы препятствіемъ для дальнѣйшаго равномѣрнаго развитія сербо-хорватской культуры.

Этотъ лозунгъ, столь же политическій, сколько и культурный, ставилъ совершенно опредѣленныя программныя и тактическія требованія. По отношенію къ землямъ и областямъ, находящимся подъ чужой властью, этотъ лозунгъ постулировалъ политическую борьбу за право на національно-культурное самоопредѣленіе.

„Трудно даже представить себѣ,—говоритъ В. Викторовъ въ своихъ „Австрійскихъ письмахъ" въ газету „Рѣчь",—какъ плодотворны и какъ многообразны были результаты этого сильнаго общественнаго подъема среди сербо-хорватскаго народа. Въ области культуры, за короткое сравнительно время, удалось провести цѣлый рядъ начинаній капитальной важности. Не только усилился обмѣнъ изданіями между Бѣлградомъ и Загребомъ, но стали возможными общія изданія, въ которыхъ принимали участіе литературныя силы Бѣлграда и Загреба. Между университетами Бѣлграда и Загреба установились самыя тѣсныя взаимоотношенія. Все, что было столько лѣтъ разорваннымъ, разобщеннымъ, стало находить общіе пути прочной спайки. Еще интереснѣе были результаты этого подъема въ области политики. Въ Загребѣ, въ томъ самомъ Загребѣ, въ которомъ еще десять лѣтъ тому назадъ между сербами и хорватами существовала ожесточенная, непримиримая вражда, удалось, въ самое короткое время, создать сербско-хорватскую коалицію. И чтобы судить о томъ, что представляетъ собой эта коалиція, достаточно отмѣтить, что къ ней, кромѣ всѣхъ сербовъ, со стороны хорватовъ примкнуло все то, что есть среди нихъ прогрессивнаго, талантливаго, творческаго. За скобками сербско-хорватской коалиціи остались только опредѣленные клерикалы и реакціонеры, которые даже среди хорватской части сербо-хорватскаго народа давно утратила всякое вліяніе. На выборахъ въ загребскій сеймъ сербско-хорватская коалиція одержала блестящую побѣду".

Все шло спокойно, правомѣрно—поступательно и врядъ-ли кто-либо, кому дорога справедливость, могъ бы отнести къ намѣреніямъ сербо-хорватской коалиціи преступный

актъ 15-го іюля 1914 г., жертвой котораго палъ наслѣдникъ австрійскаго престола эрцъ-герцогъ Францъ Фердинандъ.

„Наслѣдникъ габсбургскихъ престоловъ убитъ однимъ изъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ этой слишкомъ сложной короны. Причины этого крайне печальнаго событія лежатъ повидимому и въ убитомъ, и въ убійцѣ“,—писалъ М. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“. „Достаточно взглянуть на карту Австро-Венгріи, чтобы увидѣть самую суть сербо-австрійской трагедіи. Удавъ уже втянулъ въ себя большую половину сербской територіи и сербской народности. Боснія, Герцоговина, Далмація, Хорватія, Славонія, Крайна—все это уже проглочено и отчасти переварено. Не проглотить остатковъ, т.-е. свободной Сербіи и Черногоріи, это для Австріи почти равносильно тому, чтобы подавиться кускомъ Пока живы независимыя сербскія державы, не можетъ умереть духъ независимости и въ проглоченной сербщинѣ, начинающей все чаще и чаще, особенно со времени блистательныхъ недавнихъ войнъ Сербіи, издавать жизненный, т.-е. фальшивый для уха Габсбурговъ тонъ. Сербскіе патріоты видятъ, что именно теперь стоитъ на очереди австрійскаго захвата. Несчастный эрцгерцогъ, убитый въ Сараевѣ, являлся слишкомъ яркимъ выразителемъ австрійской политики, слишкомъ—къ чести его—истиннымъ и откровеннымъ. Торжество силы столкнулось, наконецъ, съ отчаяніемъ слабости и возникло преступленіе, оправдывающее себя самозащитой“.

Нечего, и говорить, что Австрійцы, вѣрные своей политикѣ на Балканахъ постарались использовать Сараевское убійство въ желательномъ для себя направленіи.

Вѣнскія газеты писали: „На передовыхъ бастіонахъ велико-австрійской идеи, жертвой велико-сербской пропаганды, палъ доблестный рыцарь и носитель идеаловъ австро-венгерской монархіи, престоло-наслѣдникъ Францъ-Фердинандъ“. Иными словами прямо указывалось, что необходимо карать не только явныхъ виновниковъ убійства, но и весь сербскій народъ.

Сараевъ, а затѣмъ вся Боснія и Герцоговина были немед-

ленно объявлены на военномъ положеніи; произведены аресты выдающихся сербскихъ дѣятелей; закрыты всѣ сербскіе клубы, включая и самый значительный среди нихъ „Младина“, получившій требованіе полицейскихъ властей представить въ двухдневный срокъ полный списокъ всѣхъ своихъ членовъ. (Въ концѣ апрѣля этого года этотъ клубъ насчитывалъ въ Босніи 1.932 дѣйствительныхъ членовъ, причемъ до тѣхъ поръ австрійскія власти въ Босніи не имѣли ни какого повода противодѣйствовать дѣятельности этого клуба).

На совѣщаніи, состоявшемся въ четвергъ въ Сараевѣ между намѣстникомъ края Потіоркомъ и представителемъ военной власти, обсуждался вопросъ о временномъ пріостановленіи въ Босніи и Герцоговинѣ конституціонныхъ началъ, а также объ измѣненіи нѣкоторыхъ законовъ.

Въ Сараевѣ былъ арестованъ извѣстный сербскій купецъ Николичъ, который по доносу тайныхъ агентовъ будто-бы возбуждалъ населеніе противъ австрійскихъ властей ссылкой на то, что въ скоромъ времени сербскія войска вступятъ въ Сараево и отомстятъ за погромъ. Николичъ преданъ военно-полевому суду.

Одновременно съ этимъ въ Вѣнѣ произошелъ рядъ демонстрацій. Началось съ квартиры сербскаго посланника Іовановича, а къ вечеру толпа стала собираться вблизи зданія сербской миссіи, доступъ къ которой охранялся полиціей. Съ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ и съ возгласами: „Долой убійцъ!“ демонстранты нѣсколько разъ бросались на полицію, а затѣмъ сожгли сербскій флагъ. Въ виду повторныхъ натисковъ толпы, полиція была принуждена обнажить оружіе и силой очистить прилегающія къ миссіи улицы, причемъ нѣсколько полицейскихъ были ранены.

Послѣ полуночи густая толпа демонстрантовъ пыталась проникнуть въ зданіе русскаго посольства, однако, сильные отряды полиціи преградили ей путь; послѣ энергичнаго натиска конныхъ полицейскихъ демонстранты были разсѣяны. Собравшись снова, демонстранты направились къ германскому посольству и, произведя передъ его зданіемъ съ

пѣніемъ „Wacht am Rhein“, и австрійскаго народнаго гимна, разошлись. Поздно ночью толпа демонстрантовъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ собралась у сербской миссіи и прорвала цѣпь полицейскихъ. Произошла ожесточенная схватка, во время которой многіе были ранены. Изъ толпы раздавались револьверные выстрѣлы.

Подобныя-же демонстраціи имѣли мѣсто и въ другихъ городахъ Габсбургской монархіи.

Въ Сараевѣ, Мостартѣ, Загребѣ, въ Костайницѣ, Поповацѣ, Ценгѣ, Бродѣ на Савѣ, въ округѣ на Савѣ, въ округѣ Метковичъ, въ Дьяковарѣ, Фотопусѣ были произведены насилія и погромы надъ православнымъ сербскимъ населеніемъ.

Чтобы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе о размѣрахъ сараевскаго погрома, издающаяся въ Венгріи сербская газета „Застава“ сообщаетъ изъ Сараева слѣдующія данныя:

Къ началу погрома на 500 погромщиковъ въ Сараевѣ приходилось 550 городовыхъ и значительное число тайныхъ агентовъ, прибывшихъ изъ Вѣны и Будапешта. Погромъ начался въ понедѣльникъ въ 10 час. утра и кончился въ 6 час. вечера, т. е. продолжался восемь часовъ, безъ всякаго вмѣшательства властей. Толпа громилъ, насчитывавшая всего 500 человѣкъ, уничтожала и разрушала все, что только можно было. Даже во время турецкаго владычества въ Босніи и Герцоговинѣ имущество сербовъ не подвергалось опасности. Свыше 1,000 сербскихъ семей въ Сараевѣ потеряли все свое состояніе и превратились въ нищихъ. Погромщики буйствовали въ теченіи десяти часовъ при полномъ попустительствѣ властей.

Издающаяся въ Сараевѣ мусульманская газета „Муслиманска Слога“ (большинство боснійскихъ мусульманъ, какъ извѣстно, говорятъ по-сербски), органъ независимой мусульманской оппозиціи въ краевомъ сеймѣ, была конфискована за напечатаніе приведенныхъ выше данныхъ о дѣйствіяхъ погромщиковъ; она же сообщила, что демонстранты, т. е. погромщики, получали по 5 кронъ ежедневно. Лозунгъ былъ данъ имъ одинъ—„дѣлайте все, что хотите, только н

убивайте". Убытокъ, причиненный сербамъ въ Сараевѣ, составляетъ 20 милл. кронъ. Извѣстный боснійскій общественный политическій дѣятель Евтановичъ, тесть сербскаго посланника въ Петербургѣ г. Спалайковича, потерпѣлъ убытокъ на ½ милл. кронъ. Сербскій просвѣтительный союзъ „Просвѣта" потерпѣлъ убытокъ на 100,000 кронъ. У одного купца по имени Марко Картича была взломана касса и похищено 7,200 кронъ. Рядъ богатыхъ семей потерпѣлъ убытокъ по 100,000 кронъ каждая. Издающаяся въ Сараевѣ газета „Сербская Рѣчь". типографія которой была разгромлена, потерпѣла убытки на 100,000 кронъ. Главный редакторъ Кобашичъ раненъ въ голову. Такіе же убытки потерпѣли и другія сербскія газеты, „Отачбина" и „Звона". Имущество уничтоженное въ сербскомъ клубѣ, оцѣнивается въ 20,000. Разгрому подверглись также сербскій пѣвческій союзъ „Слога", и главное управленіе просвѣтительнаго общества. Уничтожено имущество цѣлаго ряда сербскихъ высшихъ и среднихъ школъ. Общее число сербовъ, получившихъ болѣе или менѣе тяжкія пораненія, составляетъ 100 чел.; большинство изъ нихъ, однако, не обращалось къ медицинской помощи, во избѣжаніе арестовъ.

При этомъ во время погрома мѣстныя австрійскія власти, начиная отъ намѣстника края Потіорека и кончая послѣдними полицейскими агентами проявляли, мягко выражаясь, большое равнодушіе ко всему тому, что происходило у нихъ на глазахъ.

Спеціальный корреспондентъ берлинской „Vossische Zeitung", котораго едва-ли можно заподозрить въ желаніи опорочить австрійское правительство, сообщаетъ объ этомъ слѣдующее;

Тѣ же самыя австрійскія власти, которыя до убійства эрцгерцога Франца-Фердинанда буквально дрожали передъ извѣстнымъ боснійскимъ общественнымъ дѣятелемъ Евтановичемъ, тестемъ сербскаго посланника въ Петербургѣ, г. Сполайковича, на другой день послѣ убійства эрцгерцога равнодушно смотрѣли, какъ толпы погромщиковъ разрушали его домъ.

Дикій разбой не встрѣтилъ со стороны австрійскихъ

властей ни отпора, ни противодѣйствія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что онъ согласовался съ общими планами правительства, или, по крайней мѣрѣ, имъ не противорѣчилъ. Правда, официозная вѣнская печать объяснила, что военное положеніе введено отнюдь не противъ сербовъ, а наоборотъ, въ ихъ пользу: изъ добраго желанія и обязательнаго намѣренія „оградить“ сербовъ отъ взрыва народнаго негодованія, а погромы—стихійнымъ взрывомъ страстей вѣрноподданной части населенія, противъ которыхъ безсильны всѣ полицейскія мѣропріятія,—но насколько подобное объясненіе вздорно, предоставляется судить каждому здравомыслящему читателю.

Само собою разумѣется, что въ Сербіи попытка вѣнской печати и австро-венгерскаго правительства взвалить отвѣтственность за сараевское злодѣяніе на весь сербскій народъ вызвала горячій протестъ.

Австро-венгерская миссія въ Бѣлградѣ заявила, что въ покушеніи на эрцгерцога Франца-Фердинанда нельзя обвинять сербское правительство, а часто упоминаемый въ качествѣ участника Прибичевичъ—лицо неотвѣтственное, такъ какъ это простой офицеръ, не принадлежитъ даже къ генеральному штабу, къ тому же онъ категорически отрицаетъ всякую вину.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Пашичъ послалъ представителямъ Сербіи при европейскихъ дворахъ циркулярную телеграму, касающуюся послѣднихъ событій.

„Австрійская печать все болѣе и болѣе старается обвинить Сербію, — говорится въ этомъ дипломатическомъ документѣ,—въ злодѣяніи, совершенномъ въ Сараевѣ. Цѣль подобныхъ обвиненій очевидна и она имѣетъ намѣреніе нанести нѣкоторый ударъ тому высокому авторитету, которымъ, въ настоящее время, пользуются въ Европѣ Сербы. Вѣнская печать, видимо, рѣшила широко использовать то безумное дѣло, которое совершилъ молодой экзальтированный фанатикъ. Между тѣмъ, въ самой Сербіи злодѣяніе, совершенное въ Сараевѣ, встрѣчено со строгимъ осужденіемъ,—осужденіемъ, которое нашло откликъ во всѣхъ

слояхъ сербскаго общества. Въ Сербіи всѣ поняли, что это злое дѣло отразится въ отрицательномъ смыслѣ на добрососѣдскихъ отношеніяхъ между монархіей и Сербіей, а также и на положеніи Сербовъ въ Австро-Венгріи. Подобныя предположенія, какъ видно изъ всего послѣдующаго, подтверждаются происшедшими событіями. Подобные факты представляются особенно печальными въ тотъ моментъ, когда Сербія со своей стороны прилагаетъ всѣ усилія установить добрососѣдскія отношенія. Совершенно невѣроятнымъ и абсурднымъ представляется предположеніе, что Сербія могла бы способствовать тѣмъ или другимъ способомъ осуществленію подобныхъ преступныхъ замысловъ. Какъ разъ наоборотъ, всѣ интересы Сербіи сводятся къ тому. чтобы такое злодѣяніе не имѣло бы мѣста. Къ несчастію, Сербія не имѣла рѣшительно никакихъ средствъ для того, чтобы помѣшать печальному событію, тѣмъ болѣе, что злоумышленники были австрійскіе подданные. Сербское правительство всегда самымъ внимательнымъ образомъ слѣдило за анархистскимъ элементомъ, и если бы такіе оказались въ предѣлахъ государства, то по отношеніи ихъ были бы приняты самыя строгія мѣры. Къ этому надлежитъ добавить, что сербское правительство проектировало по отношенію къ анархистамъ спеціальный законъ, который не былъ проведенъ въ жизнь только въ виду роспуска скупщины. Сербское правительство принимало и будетъ принимать всѣ зависящія отъ него мѣры для успокоенія въ предѣлахъ государства возбужденія среди отдѣльныхъ лицъ".

Тотъ-же Пашичъ передавалъ сотруднику „Temps".

„Послѣ зловѣщаго убійства, которое вызвало негодованіе сербскаго правительства, вѣнская печать ополчилась противъ Сербіи и ея правительства. Съ самаго начала вѣнскія газеты старались обвинить насъ въ дѣяніи, совершенномъ единичными личностями, экзальтированнными субъектами. Подобные печальные факты уже имѣли мѣсто и въ другихъ государствахъ и никому въ голову не приходило обвинять въ совершенномъ злодѣяніи цѣлую націю. Сербское правительство самымъ искреннимъ образомъ представило свои сожалѣнія, и сербская печать, пользующаяся полной свобо-

дой, возстала противъ зловѣщаго преступленія, совершеннаго въ Сараевѣ. Это коректное поведеніе, не было оцѣнено ни австрійской, ни венгерской печатью, которыя продолжають вести свою компанію противъ Сербіи, не щадя даже сербскаго монарха. Эти обвиненія и преслѣдованія Сербовъ въ Австро-Венгріи вызываютъ естественные отвѣты со стороны сербскихъ газетъ, и въ этомъ направленіи бѣлградское правительство со своей стороны сдѣлало все возможное для того, чтобы эта кампанія не приняла слишкомъ большихъ размѣровъ. Оно посовѣтовало газетамъ умѣренность и просило ихъ не возбуждать лишнихъ ссоръ... Между тѣмъ сербскія газеты, которыя въ данномъ случаѣ только защищаются, обвиняются въ агресивности и провокаціи. Можно, въ самомъ дѣлѣ, думать, что въ сосѣдней монархіи имѣется желаніе возбудить умы противъ Сербіи распространеніемъ завѣдомо ложныхъ извѣстій, какъ напримѣръ извѣстіе о покушеніи, будто бы совершенномъ на австро-венгерскую миссію въ Бѣлградѣ. Между тѣмъ сербское правительство приняло всѣ необходимые мѣры для защиты австрійской миссіи и австрійскихъ и венгерскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Сербіи. Что касается печальнаго событія, происшедшаго въ Сараевѣ, то сербское правительство въ сознаніи своего долга заявило, что въ случаѣ, если слѣдствіе обнаружитъ участіе какого-либо сербскаго подданнаго, проживающаго въ предѣлахъ королевства, онъ будетъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности... Сербское правительство и вся Сербія не могутъ рѣшительно ни въ чемъ себя обвинить, считая, что ихъ поведеніе по отношеніи австро-венгерской монархіи вполнѣ коректно. *Мы готовы идти рѣшительно во всемъ навстрѣчу вѣнскому правительству*, искренно дорожа нашими хорошими отношеніями“.

Въ чемъ залогъ „хорошихъ отношеній“ видѣла Австро-Венгрія, мы знаемъ изъ безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи ультиматума, какой предъявило, въ качествѣ вербальной ноты, правительство Габсбурговъ королевству Сербіи.

Начало войны.

25-го іюня въ Гофбургѣ состоялось совмѣстное засѣданіе австрійскаго и венгерскаго министровъ подъ предсѣдательствомъ Императора Франца-Іосифа для выясненія дальнѣйшаго отношенія правящихъ круговъ къ положенію, создавшемуся вслѣдствіе кончины эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Это совѣщаніе привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Его рѣшеніе, что, было яснымъ для, всѣхъ могло стать опаснымъ не только для мира на Балканскомъ полуостровѣ, но и для мира всей Европы.

Результаты этого совѣщанія не были опубликованы офиціально; извѣстно только, что они были одобрены Францомъ-Іосифомъ.

Зная же миролюбивый характеръ императора и его страхъ передъ всякими авантюрами, можно было сдѣлать заключеніе, что на совѣщаніи благоразуміе и умѣренность взяли верхъ надъ шовинистическими теченіями. Это подтверждалось и полуофиціальными заявленіями печати и объясненіями графа Тиссы въ венгерской палатѣ. Графъ Тисса не выдалъ тайны совѣщанія, но онъ предостерегалъ противъ „генерализаціи“ отвѣтственности за сараевское преступленіе и вообще противъ чрезмѣрныхъ увлеченій.

Скоро, однако, въ общество стали проникать болѣе тревожные слухи, среди которыхъ самымъ тревожнымъ былъ слухъ, переданный по телеграммѣ изъ Берлина („Вечернимъ Биржевымъ Вѣдомостямъ“) о томъ, что директоръ Дрезденскаго Банка, въ оправданіе возведенныхъ на него обвиненій, въ приглашеніи кліентовъ банка продать часть своихъ бумагъ, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: *„дрезденскій банкъ получилъ отъ своихъ вѣнскихъ друзей сообщеніе, что нота, которую австро-венгерская дипломатія собирается предъявить въ Бѣлградѣ, будетъ составлена въ чрезвычайно остромъ тонѣ,* изъ чего слѣдуетъ заключить, что вслѣдъ за врученіемъ этой ноты возникнутъ опасенія о возможности рѣшенія австро-венгерскаго конфликта вооруженной силой. Подъ вліяніемъ этого сообщенія, банкъ считаетъ

себя вынужденнымъ дать своимъ кліентамъ соотвѣтствующія совѣты".

Директоръ Дрезденскаго Банка оказался правымъ и совершенно освѣдомленнымъ. Событія не заставили почтеннаго банкира ждать съ оправданіемъ его предусмотрительнаго маневра.

10 іюля 1914 г. Австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ передалъ въ 6 часовъ вечера сербскому правительству вербальную ноту съ изложеніемъ требованій монархіи относительно положенія великосербскаго движенія и наказанія соучастниковъ сараевскаго покушенія. Для отвѣта представленъ срокъ до 6 час. вечера 12-го іюля.

Нота эта гласитъ.

„Сербія признала, что права ея не были затронуты совершившимся фактомъ, созданнымъ въ Босніи и Герцоговинѣ, и что, слѣдовательно, она будетъ сообразоваться съ тѣми рѣшеніями, которыя будутъ приняты державами по отношенію къ ст. 25 берлинскаго трактата.

Подчиняясь совѣтамъ великихъ державъ, Сербія обязалась впредь отказаться отъ того положенія протеста и оппозиціи по вопросу объ аннексіи, которую она занимала съ прошлой осени и обязалась, кромѣ того, измѣнить курсъ своей настоящей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, что бы впредь поддерживать съ названной державой добрососѣдскія отношенія.

Между тѣмъ, исторія послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15 іюня доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи.

Движеніе это, зародившееся на глазахъ у сербскаго правительства, въ концѣ концовъ дошло до того, что стало проявляться за предѣлами территоріи королевства въ актахъ терроризма, въ серіи покушеній и въ убійствахъ. Королевское Сербское правительство не только не выполнило формальныхъ обязательствъ, заключающихся въ деклараціи 18 (31) марта 1909 г., но даже не приняло никакихъ мѣръ, чтобы подавить это движеніе.

Оно допускало преступную дѣятельность различныхъ обществъ и организацій, направленную противъ монархіи, распущенный тонъ въ печати, прославленіе виновниковъ покушенія, участіе офицеровъ и чиновниковъ въ революціонныхъ выступленіяхъ, вредную пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ наконецъ, оно допускаетъ манифестаціи, которыя могли возбудить въ сербскомъ населеніи ненависть къ монархіи и презрѣніе къ ея установленіямъ.

Эта преступная терпимость королевскаго сербскаго правительства не прекратилась даже въ моментъ, когда событія 15 прошлаго іюня

показали всему міру ея прискорбныя послѣдствія. Изъ показаній и признаній виновниковъ преступнаго покушенія 15 іюня явствуетъ, что Сараевское убійство было подготовлено въ Бѣлградѣ, что оружіе и взрывчатыя вещества, которыми были снабжены убійцы, были доставлены имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ народной обороны и что, наконецъ, переѣздъ преступниковъ съ оружіемъ въ Боснію былъ организованъ и осуществленъ начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты разлѣдованія не позволяютъ австро-венгерскому правительству сохранять долѣе то выжидательное и терпѣливое положеніе, которое оно занимало въ теченіе ряда лѣтъ по отношенію къ дѣйствіямъ, намѣчавшимся въ Бѣлградѣ и пропагандировавшимся оттуда въ предѣлахъ территоріи монархіи.

Эти результаты, напротивъ, возлагаютъ на него обязанность положить конецъ пропагандѣ, являющейся постоянной угрозой для спокойствія монархіи. Для достиженія этой цѣли австро-венгерское правительство находится вынужденнымъ просить сербское правительство офиціально заявить, что оно осуждаетъ пропаганду, направленную противъ австро-венгерской монархіи, то есть всю совокупность тенденцій, входящихй въ составъ этой пропаганды, и что оно обязуется принять всѣ мѣры для подавленія этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы предать особо торжественный характеръ этому обязательству, королевское сербское правительство опубликуетъ на первой страницѣ офиціальнаго органа отъ 26 (13) іюля нижеслѣдующее заключеніе:

„Королевское сербское правитсльство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, то есть совокупность тенденцій, имѣющихъ конечной цѣлью отторженіе отъ австро-венгерской монархіи частей ея территоріи, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское правительство сожалѣетъ, что сербскіе офицеры и чиновники участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ и скомпрометировали, такимъ образомъ, тѣ добрососѣднія отношенія, поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось въ своей декларація отъ 18 марта 1909 г.

Королевское правительство, порицая также дѣйствія населенія нѣкоторой части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ и чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ принимать самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, которыя правительство всѣми силами будетъ предупреждать и подавлять".

Это заявленіе будетъ немедленно объявлено войскамъ приказомъ его величества короля по арміи и будетъ опубликовано въ офиціальномъ военномъ органѣ.

Королевское правительство, кромѣ того обязуется не допускать никакія публикаціи возбуждающія ненависть и презрѣніе къ монархіи

и проникнутыя общей тенденціей, направленной противъ ея территоріальной неприкосновенности;

2) Немедленно закрыть общество, называемое „Народная Одбрана“, конфисковать всѣ средства пропаганды этого общества и принять тѣ же мѣры противъ другихъ обществъ и учрежденій въ Сербіи, занимающихся пропагандой противъ австро-венгерской монархіи. Королевское правительство приметъ необходимыя мѣры, чтобы воспрепятствовать образованію вновь такихъ обществъ;

3) Незамедлительно исключить изъ дѣйствующихъ въ Сербіи программъ учебныхъ заведеній какъ въ отношеніи личнаго состава учащихъ, такъ и въ отношеніи способовъ обученія все то, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи.

4) Удалить съ военной и административной службы вообще всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи, имена которыхъ австро-венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству, вмѣстѣ съ указаніемъ совершенныхъ ими дѣяній.

5) Допустить сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности монархіи.

6) Произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ заговора 15 іюня, находящихся на сербской территоріи, причемъ лица, командированныя австро-венгерскимъ правительствомъ, примутъ участіе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разлѣдованіемъ.

7) Срочно арестовать коменданта Воя Танкесича и нѣкоего Милана Тигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированаго результатами сараевскаго разслѣдованія.

8) Принять дѣйствительныя мѣры къ воспрепятствованію оказанія содѣйствія сербскими властями въ незаконной торговлѣ оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу, и уволить и подвергнуть также суровому наказанію чиновъ пограничной службы въ Шабацѣ и Лозницѣ, виновныхъ въ томъ, что оказали содѣйствіе руководителямъ сараевскаго покушенія, облегчивъ имъ переѣздъ черезъ границу.

9) Дать австро-венгерскому правительству обвиненіе по поводу совершенно не могущихъ быть оправданными заявленій высшихъ сербскихъ чиновъ какъ въ Сербіи, такъ и за границей, которыя, несмотря на занимаемое ими офиціальное положеніе позволили себѣ послѣ покушенія 15 іюня высказываться въ интервью во враждебномъ по отношенію къ австро-венгерской монархіи тонѣ.

10) Безъ замедленія увѣдомить австро-венгерское правительство объ осуществленіи указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ мѣръ“.

Австро-венгерское правительство ожидаетъ отвѣта королевскаго правительства до 6 час. вечера въ субботу 12 (25) текущаго мѣсяца.

Мемуаръ, содержащій результаты сараевскаго слѣдствія въ части,

касающейся должностныхъ лицъ, упомянутыхъ въ пунктахъ 7 и 8, приложенъ къ этой нотѣ и гласитъ:

„Судебное разслѣдованіе, произведенное сараевскимъ судомъ по дѣлу Гаврилы Принципа и соучастниковъ главнаго убійцы по поводу преступленія, совершеннаго ими 15 минувшаго іюня, до настоящаго времени установило нижеслѣдующія обстоятельства:

1) Что заговоръ, имѣвшій цѣлью убійство эрцегерцога Франца-Фердинанда во время его пребыванія въ Сараевѣ, былъ организованъ въ Бѣлградѣ Гаврилою Принципомъ, Неделькою Габриновичемъ, нѣкоимъ Миланомъ Цыгановичемъ и Трифкою Грабецомъ при содѣйствіи коменданта Воя Танкосича;

2) что 6 бомбъ и 4 браунинга съ припасами, при помощи которыхъ злоумышленники совершили покушеніе, были переданы въ Бѣлградѣ Принципу, Габриновичу и Грабецу нѣкіемъ Миланомъ Цыгановичемъ и комендантомъ Воей Танкосичемъ;

3) что бомбы эти являются ручными гранатами изъ сербскихъ военныхъ складовъ Крагуеваца;

4) что въ цѣляхъ обезпеченія успѣшности покушенія Цыгановичъ обучилъ Принципа, Габриновича и Грабеца способу пользованія гранатами и въ лѣсу близъ стрѣльбища Теншибира обучалъ Принципа и Грабеца стрѣльбѣ изъ револьвера:

5) что для предоставленія Принципу, Габриновичу и Грабецу возможности переѣзда черезъ границу Боссіи и Герцоговины и тайнаго ввоза туда ихъ оружія Цыгановичемъ была организована система тайной перевозки. Согласно этой организаціи ввозъ въ Боснію и Герцоговину злоумышленниковъ и ихъ оружія былъ произведенъ пограничными начальниками въ Шабанѣ (Радой Поповичемъ) и въ Лозницѣ, равно какъ таможеннымъ чиновникомъ Рудивой Грбичемъ въ Лозницѣ при содѣйствіи разныхъ частныхъ лицъ.

Предъявленное австро-венгерскимъ посланникомъ въ Бѣлградѣ „словесное заявленіе“ сербскому правительству является документомъ поистинѣ единственнымъ въ своемъ родѣ. Нѣтъ другого примѣра столь открытаго попранія не только права, но даже простого приличія.

Содержаніе ноты по опредѣленности и рѣшительности превосходитъ все, что можно было ожидать. Оно разсчитано на то, чтобы унизить сербскій народъ или раздавить его во что бы то ни стало. Это ни что иное, какъ типичный, документъ, которой указываетъ, что Австрія желала сдѣлать его непріемлемымъ.

Мрачной тѣнью Меттерниха повѣяло надъ вѣнскимъ Ballplatz'омъ при составленіи ультиматума Сербіи. Его преемники еще болѣе упростили поставленную имъ задачу,—

подавленіе національныхъ стремленій: они стремятся уничтожить національную сербскую идею,—фантастическую или реальную,—государственными средствами сербскаго правительства!

Настоящій ультиматумъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: юридическую и политическую.

Первая касается печальнаго событія, происшедшаго въ Сараевѣ. Австрійскія власти возбуждаютъ вопросъ о томъ, что въ заговорѣ на жизнь эрцгерцога Франца-Фердинанда, будто-бы, принимали участіе какіе-то сербско-подданные. Далѣе Австрія желаетъ, чтобы означенные Сербы за свои преступныя дѣянія потерпѣли должное наказаніе.

Политическая же часть ультиматума будетъ исходной точкой не столько слѣдственный матеріалъ по дѣлу о сараевскомъ покушеніи, сколько обязательство, данное Сербіей въ тяжелую для нея минуту, измѣнить курсъ своей политики относительно Австро-Венгріи и поддерживать впредь добрососѣдскія отношенія съ послѣдней.

Австрійцы говорятъ о неисполненіи сербами деклараціи 18 марта 1909 года и упрекаютъ бѣлградскіе правящіе круги въ томъ, что они не выполнили формальныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя этой деклараціей.

Эта декларація, однако, была сдѣлана, какъ извѣстно, не одной только Австріи, а всей Европѣ, которая вправѣ рѣшать вопросъ о ея нарушеніи и избирать соотвѣтствующія мѣры воздѣйствія за эти нарушенія.

Нота требуетъ отъ Сербіи не только допущенія австрійскихъ властей къ слѣдствію и къ розыскамъ, не только наказанія всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, такъ, или иначе замѣшанныхъ въ агитаціи противъ Австріи, но и отреченія отъ всей „совокупности тенденцій, имѣющихъ конечной цѣлью отторженіе отъ австро-венгерской монархіи частей ея территоріи“,—т. е. отъ сербскаго національнаго идеала объединенія сербства,—осужденія и преслѣдованія всѣхъ вообще лицъ, могущихъ быть связанными, такъ или иначе, съ осуществленіемъ этого національнаго идеала. Вопросъ о преслѣдованіи непосредственныхъ виновниковъ покушенія 15 іюня совершенно стушевывается при

этой широкой постановкѣ, и на первый планъ выступаетъ традиціонная политика полнаго умоленія Сербіи.

Австрійская нота требуетъ отъ сербскаго правительства, чтобы оно растоптало всѣ основные законы Сербіи. Чтобы оно закрыло всѣ культурныя единенія Сербовъ которыя *не нравятся* австрійскимъ властямъ. Чтобы оно измѣнило программы сербскихъ учебныхъ заведеній и подвергло ихъ предварительному одобренію австрійскаго правительства. Чтобы оно назначало чиновъ администраціи и офицеровъ арміи съ согласія австрійскаго правительства. Чтобы оно изгоняло изъ службы всѣхъ должностныхъ лицъ, имена которыхъ будутъ сообщены австрійскимъ правительствомъ. Чтобы изъ сербской арміи были такимъ образомъ исключены всѣ способные офицеры и генералы. Наконецъ, чтобъ уголовно-судебная власть въ Сербіи была поставлена подъ контроль австрійскихъ чиновниковъ.

Совершенно ясно, что всѣ выше приведенныя 10 пунктовъ ультиматума австрійскаго правительства являлись *завѣдомо неисполнимыми.*

Австро-Венгрія возымѣла намѣреніе не только *наказать* Сербію за покушеніе 15-го іюня, но и *свести на нѣтъ* всю ея политическую и національную самобытность, чтобы хозяйничать въ ней, какъ въ собственномъ владѣніи. Это ясно доказываютъ пунктъ 5-й и 6-ой ультиматума, требующіе *сотрудничества австрійскихъ властей въ мѣропріятіяхъ Сербіи.*

Австро-Венгрія потребовала отъ Сербіи осужденія „пропаганды“, якобы угрожающей цѣлости Габсбургской монархіи, при чемъ подъ словомъ „пропаганды“ разумѣлось не болѣе не менѣе, какъ вся совокупность великосербской тенденціи.

Но вѣдь никто же въ Сербіи и не собирался отторгать отъ Австріи ни одного вершка земли. Домогаться отъ сербскаго правительства торжественнаго осужденія неистребимаго сознанія братства сербскихъ племенъ, подъ чьей бы властью они не находились, значитъ требовать отреченія отъ самаго себя, т.-е. завѣдомо неисполнимаго.

Несмотря на то, что велико-сербская „пропаганда“ чужда

всякой воинственности, австро-венгерская дипломатія открываетъ въ ней начало покушенія на отторженіе части австрійской территоріи и поэтому называетъ ее *преступной.*

„Допустимъ,—говоритъ „Новое Время“—что велико-сербская идея въ самомъ дѣлѣ въ отдаленномъ будущемъ угрожаетъ цѣлости габсбургской монархіи. Но съ какого времени австро-венгерское правительство стало считать проповѣдь („пропаганду“) о расширеніи своей територіи за счетъ сосѣдей международнымъ *преступленіемъ?* Еще весьма недавно наслѣдникъ австро-венгерскаго престола открыто проповѣдывалъ мысль о раздѣлѣ Россійской имперіи и присоединеніи къ Австріи всей Малороссіи съ Кіевомъ включительно. Мысль эта и теперь является основнымъ мотивомъ дѣятельности самыхъ вліятельныхъ австрійскихъ круговъ. Если такая дѣятельность является по убѣжденію австрійской дипломатіи преступной, то она должна подтвердить искренность свою тѣми же мѣрами, которыхъ она домогается теперь отъ сербскаго правительства. Она должна осудить преступную дѣятелность престолонаслѣдника и его друзей въ своемъ военномъ органѣ и заявленіе это отдать въ приказѣ его величества по арміи. Она должна также обязаться не допускать въ предѣлахъ Австріи печатанія статей, возбуждающихъ ненависть и презрѣніе къ сербской монархіи и проникнутыхъ общей тенденціей, направленной противъ неприкосновенности сербской территоріи. Ибо такія статьи печатаются въ Австро-Венгріи ежедневно въ самой отвратительной формѣ и притомъ въ офиціозныхъ органахъ правительства — „Reichspost“ и Militärische Rundschau“. Только тогда австро-венгерская дипломатія получитъ нѣкоторое основаніе домогаться, чтобы сербское правительство послѣдовало ея благому почину.“

„Но для себя—продолжаетъ „Новое Время“—австрійское правительство считаетъ позволительной открытую проповѣдь уничтоженія Сербіи и расчлененія Россіи и офиціальную помощь этой пропагандѣ,—т.-е. дѣйствительное преступленіе,—а Сербамъ воспрещаетъ даже поэтическую мечту о расовомъ единствѣ сербскаго племени—подъ страхомъ немедленной военной расправы“.

Приходится съ горечью сознаться, что существуй до сихъ поръ Балканскій союзъ—Австрія не была бы такъ надменна и требовательна. Но этотъ союзъ—распался; друзья славянства изъ числа дипломатовъ отошли въ лучшій міръ, и Сербія стала передъ разъяреннымъ непріятелемъ, приговоренная или къ рабству или къ смерти.

12-го іюль Австро-венгерскіе послы во Германіи, Франціи, Великобританіи. Италіи и Россіи получили слѣдующее циркулярное распоряженіе, которое они должны были исполнить въ то же утро:

„Императорское и королевское правительство было принуждено обратиться 10-го іюля къ сербскому правительству черезъ посредство австро-венгерскаго посланника въ Бѣлградѣ со слѣдующей нотой (слѣдуетъ обще извѣстный текстъ ноты).

Имѣю честь предложить вашему превосходительству сообщить содержаніе этой ноты правительству, при которомъ вы аккредитованы, причемъ одновременно дать слѣдующія объясненія.

18-го марта 1909 г. королевское сербское правительство обратилось къ Австро-Венгріи съ указанной въ вышеупомянутой нотѣ декларацiей.

На слѣдующій же день послѣ этой декларацiи Сербія вступила на путь политики, стремящейся къ внушенію разрушительныхъ идей сербамъ, принадлежащимъ Австро-Венгерской монархіи, и къ подготовленію, такимъ образомъ, отдѣленія отъ Австро-Венгріи пограничныхъ съ Сербіей территоріи.

Сербія превратилась въ очагъ преступной агитаціи сообществъ и организацій, не замедлившихъ въ ней образоваться—какъ открыто, такъ и тайно—и имѣющихъ цѣлью создать безпорядки на австро-венгерской территоріи.

Эти организаціи имѣютъ въ числѣ своихъ членовъ: генераловъ, дипломатовъ, должностныхъ лицъ и судей, словомъ—представителей высшихъ оффиціальныхъ и неофиціальныхъ круговъ королевства.

Сербская печать почти цѣликомъ служитъ цѣлямъ названной пропаганды, направленной противъ Австро-Венгріи, и не проходитъ ни одного дня безъ того, чтобы органы сербской печати не подстрекали своихъ читателей къ ненависти и презрѣнію къ сосѣдней монархіи или же къ болѣе или менѣе явнымъ покушеніямъ на безопасность и цѣлость послѣдней.

Многочисленные агенты содержатся для поддержанія всѣми средствами враждебной Австро-Венгріи агитаціи и для совращенія молодежи въ пограничныхъ съ Сербіей мѣстностяхъ.

Злонамѣренное настроеніе сербскихъ политиковъ, оставившее кровавые слѣды на страницахъ исторіи королевства, со времени послѣдняго балканскаго кризиса еще болѣе усилилось.

Личности, ранѣе участвовавшія въ бандахъ, занятыхъ въ Македоніи, теперь явились съ предложеніемъ своихъ услугъ дѣлу террористической пропаганды противъ Австро-Венгріи.

Несмотря на наличность этихъ явленій, съ которыми Австро-Венгріи приходится встрѣчатся уже годами, сербское правительство, тѣмъ не менѣе, не сочло своимъ долгомъ принять хотя бы малѣйшія мѣры противъ такого положенія вещей; такимъ образомъ сербское правительство не исполнило обязательства, вытекавшаго изъ торжественной декларація 18-го марта 1909 г. и стало въ противорѣчіе съ волею европейскихъ державъ и съ обязательствомъ, которое оно на себя взяло по отношенію къ Австро-Венгріи.

Долготерпѣніе императорскаго и королевскаго правительства по отношенію къ вызывающему положенію, занятому Сербіей было обусловлено отсутствіемъ у Австро-Венгріи стремленія къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ и надеждою что сербское правительство, тѣмъ не менѣе, само придетъ къ правильной оцѣнкѣ значенія для него дружбы съ Австро-Венгріей.

Придерживаясь образа дѣйствій, благопріятнаго политическимъ интересамъ Сербіи, императорское и королевское правительство надѣялось, что королевство, въ концѣ концовъ, рѣшить и со своей стороны принять аналогическую линію поведенія.

Австро-Венгрія въ особенности надѣялась на подобное измѣненіе политическаго настроенія Сербіи событій 1912 года, когда императорское и королевское правительство своимъ безкорыстнымъ и миролюбивымъ образомъ дѣйствій дало Сербіи возможность столь значительно увеличить свою территорію.

Однако, проявленіе дружелюбія со стороны Австро-Венгріи къ сосѣднему государству нисколько не измѣнило поведенія королевства, которое допускало продолжать на своей территоріи пропаганду, зловѣщія последствія которой въ полной мѣрѣ сказались 15-го іюня—въ день, когда наслѣдникъ престола монархіи и его супруга пали жертвой заговора, устроеннаго въ Бѣлградѣ.

При такихъ условіяхъ императорское и королевское правительство было принуждено принять въ Бѣлградѣ новые настоятельные шаги съ цѣлью побужденія сербскаго правительства принять мѣры къ прекращенію опаснаго движенія, угрожающаго безопасности и цѣлости австро-венгерской монархіи.

Императорское и королевское правительство убѣждено, что, предпринимая эти шаги оно встрѣчаетъ сочувствіе со стороны всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, которые не могутъ допустить, чтобы цареубійство превратилось въ оружіе, которымъ можно безнаказанно пользоваться въ цѣляхъ политической борьбы, и чтобы миръ Европы постоянно нарушался исходящими изъ Бѣлграда выступленіями.

Въ подтвержденіе вышеизложеннаго императорское и королевское правительство можетъ предоставить въ распоряженіе соотвѣтствующаго правительства документами, бросающіе свѣтъ на происки Сербіи и на связь, существующую между этими происками и преступленіемъ 15-го іюня.

Аналогическое сообщеніе направлено къ австро-венгерскимъ представителямъ, аккредитованнымъ въ прочихъ государствахъ.

Вамъ предоставляется оставить копію этой депеши мѣстному министру иностранныхъ дѣлъ".

Между тѣмъ Русское Правительство, ознакомившись съ Австро-Венгерскимъ ультиматумомъ Сербіи и не находя возможности отнестись равнодушно къ явному попранію политическаго достоинства Сербіи, поручило своему повѣренному въ дѣлахъ въ Вѣнѣ обратиться къ австрійскому правительству съ предложеніемъ продлить срокъ ультиматума, чтобы русское правительство имѣло возможность ознакомиться съ заключающимся въ немъ слѣдственнымъ матеріаломъ.

Въ заявленіи Русскаго Правительства обращалось вниманіе на то, что указанія перваго пункта ультиматума на обязательства, данныя, якобы Австро-Венгріи Сербіей о поддержаніи добрососѣдскихъ отношеній—неправильны, такъ какъ Сербія декларацией отъ 18 марта 1908 года относительно Босніи и Герцоговины обязалась не передъ Австріей, а передъ Европой.

Настоящее заявленіе Русскаго Правительства предложено было поддержать всѣмъ великимъ державамъ, а также и Румыніи.

Французское правительство немедленно по полученіи извѣстія о предпринятомъ Россіей шагѣ предписало своему представителю въ Вѣнѣ поддержать русское предложеніе.

Это предложеніе являлось первымъ срочнымъ шагомъ, предпринятымъ петербургскимъ кабинетомъ въ полномъ согласіи съ Парижемъ для предотвращенія вооруженнаго конфликта между Австріей и Сербіей. *Это,* отнюдь, *не являлось попыткой посредничества,* которое при данныхъ условіяхъ едва ли могло увѣнчаться успѣхомъ.

Своимъ срочнымъ выступленіемъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ русская дипломатія преслѣдовала цѣль на первыхъ порахъ перенести австросербскій конфликтъ на обще-европейскую почву, тѣмъ болѣе, что и *сама Австро-Венгрія сочла нужнымъ извѣстить великія державы о посланномъ Сербіи ультиматумъ,* указавъ въ немъ, что Сербія не выполнила

обязательствъ, принятыхъ ею на себя 18-го марта 1909 г. и выражавшихъ собою международный актъ.

Несмотря на приведенныя соображенія, на предложеніе о продленіи срока для отвѣта Сербіи на австрійскую ноту русскій повѣренный въ дѣлахъ князь Кудашевъ получилъ отъ графа Берхтольда по телеграфу отрицательный отвѣтъ.

Австрійская печать также отнеслась неодобрительно къ предложенію Русскаго Правительства, причемъ „Neue Freie Presse" не преминула подтрунить,—молъ „никто не сомнѣвался, что Россія не останется равнодушной, однако, Россія намъ не сообщаетъ, выразится ли ея равнодушіе давленіемъ въ Бѣлградѣ или въ Вѣнѣ. Слѣдовало ожидать, что Австро-Венгрія подвергнется изъ Петербурга дипломатическому обстрѣлу. Однако австрійское правительство ни въ какомъ случаѣ не согласится на продленіе установленнаго въ нотѣ срока. Въ случаѣ, если въ 6 часовъ вечера Сербія не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, тотчасъ же начнется война. Австро-Венгрія не можетъ допустить, чтобы Сербія не несла отвѣтственности за свои дѣйствія, и чтобы на Балканахъ установилась система державъ покровительницъ". Газета-же „Zeit" издѣвалась: „Двойное отрицаніе не много говоритъ. Эти неопредѣленныя слова не служатъ одобреніемъ Сербіи къ сопротивленію и не содержатъ порицанія Австро-Венгріи, но говорятъ только о заинтересованности Россіи, въ чемъ безъ того никто не сомнѣвался".

Подобные же отзывы находимъ мы и въ Берлинскихъ газетахъ.

„Vossische Zeitung" замѣчаетъ, что Россія дѣлаетъ попытку удержать поднятую руку Австро-Венгріи и требуетъ продленія срока ультиматума. Австро-Венгрія не можетъ допустить этого вмѣшательства Россіи. Она не можетъ допустить, чтобы Сербія пряталась за спину Россіи. По мнѣнію газеты, конфликтъ, переживаемый въ настоящую минуту—большой сдвигъ. Взоры вмѣсто Бѣлграда обращены теперь въ сторону Вислы

„Kölnische Zeitung", какъ и можно было ожидать, заявляетъ, что австрійскій ультиматумъ вполнѣ обоснованъ. Гер-

манія хорошо поступила, что предупредила великія державы о томъ, что вмѣшательство третьей стороны заставитъ Германію выполнить свои союзныя обязательства.

Между тѣмъ наступилъ срокъ отвѣта Сербскаго правительства на ультиматумъ изъ Вѣны. Этотъ отвѣтъ поразилъ всю Европу своей уступчивостью и сговорчивостью. Онъ гласилъ:

„Королевское сербское правительство получило сообщеніе императорскаго и королевскаго правительства отъ 10-го сего мѣсяца и убѣждено, что его отвѣтъ устранитъ всякое недоразумѣніе, угрожающее испортить добрососѣдскія отношенія между австро-венгерской монархіей и королевствомъ сербскимъ.

Королевское правительство сознаетъ, что протесты, заявленные какъ съ трибуны скупщины, такъ и въ сообщеніяхъ и дѣйствіяхъ отвѣтственныхъ представителей государства, протесты, которымъ былъ положенъ конецъ декларацiей сербскаго правительства отъ 18 марта 1909 г., не возобновлялись по отношенію къ великой сосѣдней монархіи ни при какихъ случаяхъ и что съ того времени, какъ со стороны смѣнявшихся королевскихъ правительствъ, такъ и со стороны ихъ органовъ не было сдѣлано никакой попытки, имѣвшей цѣлью измѣнить какъ политическое, такъ и юридическое положеніе вещей, созданное въ Босніи и Герцоговинѣ.

Королевское правительство константируетъ, что въ этомъ отношеніи императорскимъ и королевскимъ правительствомъ не было сдѣлано никакихъ представленій, за исключеніемъ лишь представленіи относительно одной учебной книги, на которое императорское и королевское правительство получило совершенно удовлетворительное объясненіе.

Сербія неоднократно давала доказательства своей миролюбивой и умѣренной политики въ теченіе балканскаго кризиса и лишь благодаря Сербіи и той жертвѣ, которую она принесла, исключительно въ интересахъ европейскаго мира, этотъ миръ былъ сохраненъ.

На королевское правительство не можетъ быть возложена отвѣтственность за манифестаціи частнаго характера, каковыми являются статьи въ газетахъ и мирная работа обществъ—манифестаціи, которыя разсматриваются почти во всѣхъ странахъ, какъ нѣчто обыкновенное и которыя, въ видѣ общаго правила, стоятъ внѣ официіальнаго контроля, тѣмъ болѣе, что королевское правительство во время разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, возникшихъ между Сербіей и Австро-Венгріей, проявило чрезвычайную предупредительность и достигло благодаря этому разрѣшенія большинства этихъ вопросовъ на пользу развитія обѣихъ сосѣднихъ странъ.

Вслѣдствіе этого для королевскаго правительства явились тягостной неожиданностью утвержденія, будто лица изъ сербскаго королевства участвовали въ подготовкѣ покушенія совершеннаго въ Сараевѣ.

Правительство ожидало, что оно будетъ приглашено къ участію въ разслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого преступленія и было готово доказать дѣйствіями полную свою корректность въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ лицъ, относительно коихъ ему были бы сдѣланы соотвѣтствующія сообщенія.

Слѣдуя, такимъ образомъ, желанію императорскаго и королевскаго правительства, королевское правительство изъявляетъ готовность предать суду всякаго сербскаго подданнаго, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго въ сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства.

Въ частности оно обязывается опубликовать на первой страницѣ офиціальнаго органа отъ 13—26 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

„Королевское сербское правительство осуждаетъ всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, т. е. всю совокупность тенденцій стремящихся въ конечной цѣли къ отторженію отъ австро-венгерской монархіи входящихъ въ ея составъ территорій и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское правительство сожалѣетъ, что нѣкоторые сербскіе офицеры и чиновники участвовали, согласно сообщенію императорскаго и королевскаго правительства, въ вышеупомянутой пропагандѣ, и такимъ образомъ, скомпрометировали тѣ добрососѣдскія отношенія поддерживать которыя королевское правительство торжественно обязалось своей декларацiей отъ 18/31 марта 1909 г.

Правительство, которое порицаетъ и отрекается отъ всякой идеи или попытки вмѣшательства въ судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ, чиновниковъ и все населеніе королевства, что отнынѣ оно будетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, къ предотвращенію и подавленію которыхъ сербское правительство приложитъ всѣ усилія.

Заявленіе это будетъ, объявлено сербской арміи приказомъ, даннымъ отъ имени его величества короля, его королевскимъ высочествомъ королевичемъ Александромъ и будетъ опубликовано въ ближайшемъ номерѣ офиціальнаго военнаго органа.

1) Королевское правительство обязывается кромѣ того, внести въ первый же нормальный созывъ скупщины въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія въ австро-венгерской монархіи, а ровно всѣ публикаціи, общая тенденція которыхъ была бы направлена противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгріи, будутъ подвергаться самымъ суровымъ карамъ.

Правительство обязуется при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи внести въ ст. 22 конституціи измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, согласно точному смыслу ст. 22 конституціи, не представляется возможнымъ.

2) Правительство не имѣетъ никакихъ доказательствъ, и нота императорскаго и королевскаго правительства ему ихъ не доставляетъ, въ томъ, что общество „Народна Отбрана“ и другія подобныя общества совершили до настоящаго времени какое-либо преступное дѣяніе этого рода въ лицѣ кого-либо изъ своихъ членовъ.

Тѣмъ не менѣе, короловское правительство соглашается на просьбу императорскаго и королевскаго правительства и закроетъ какъ общество „Народна Отбрана“, такъ и всякое другое, которое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгріи

3) Королевское сербское правительство обязуется безотлагательно устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды.

4) Королевское правительство равнымъ образомъ изъявляетъ согласіе удалить съ сербской службы лицъ, виновность коихъ въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ территоріальной прикосновенности австро-венгерской монархіи будетъ доказана судебнымъ разслѣдованіемъ.

Правительство ожидаетъ, что императорское и королевское правительство сообщитъ ему дополнительно имена этихъ офицеровъ и чиновниковъ, равно свѣдѣнія о совершенныхъ ими дѣяніяхъ, въ цѣляхъ производства вышеуказаннаго разслѣдованія.

5) Королевское правительство съ своей стороны, должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы императорскаго и королевскаго правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органовъ имераторскаго и королевскаго правительства, но заявляетъ, что оно допуститъ сотрудничество, соотвѣтствующее нормамъ международнаго права и уголовнаго судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами.

6) Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своей обязанностью произвести разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ заговорѣ 15-го іюня и находящихся на территоріи королевства; что касается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которые были бы откомандированы съ этой цѣлью императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, то королевское правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ.

Однако, въ конкрентныхъ случаяхъ сообщенія о результатахъ упомянутато слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ.

Королевское правительство распорядилось въ самый день врученія ему ноты принять мѣры къ аресту каменданта Войслава Танкосича, что касается Милана Цыгановича, подданнаго австро-венгерской монар-

хіи и состоявщаго до 15-го іюня кандидатомъ на должность въ управленія желѣзныхъ дорогъ, то онъ еще не могъ быть допрошенъ.

Королевское правительство обращается къ императорскому и королевскому правительству съ просьбой соблаговолить сообщить въ обычной формѣ и въ возможно непродолжительномъ предположенія виновности, равно какъ доказательства виновности, если таковыя имѣются, добытыя до настоящаго времени произведеннымъ въ Сараевѣ слѣдствіемъ для производства дополнительнаго разслѣдованія.

8) Сербское правительство усилитъ и расширитъ мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконнаго торга оружіемъ и взрывчатыми веществами черезъ границу. Само собою разумѣется, правительство немедленно распорядится производствомъ разслѣдованія и сурово покараетъ должностныхъ лицъ пограничной службы на линіи Шабанъ—Лозница, нарушившихъ свой долгъ и допустившихъ переѣздъ черезъ границу, виновниковъ сараевскаго преступленія.

9) Королевское правительство охотно дастъ объясненіе по поводу заявленій его должныхъ лицъ, какъ въ Сербіи такъ и заграницей, сдѣланныхъ послѣ покушенія въ интервью и носившихъ согласно утвержденію императорскаго и королевскаго правительства, враждебный по отношенію къ монархіи харакгеръ, какъ только императорское и королевское правительство сообщитъ ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій и докажетъ, что заявленія эти были дѣйствительно сдѣланы должностными лицами; съ своей стороны, королевское правительство также озаботится полученіемъ доказательствъ этого факта.

10) Королевское правительство увѣдомитъ императорское и королевское правительство о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ предшествующихъ пунктахъ мѣропріятій, поскольку это не сдѣлано уже настоящей нотой, немедленно по воспослѣдованіи распоряженія и осуществленіи каждой изъ этихъ мѣръ.

Въ случаѣ, если бы императорское и королевское правительство не было бы удовлетворено настояшимъ отвѣтомъ, королевское сербское правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово, какъ всегда, пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала или великихъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ декларацiи сдѣланной сербскимъ правительствомъ 18 (31) марта 1909 г.".

Отвѣтъ этотъ австро-венгерскимъ правительствомъ была признанъ неудовлетворительнымъ. Сейчасъ-же вслѣдъ за нимъ дипломатическія сношенія съ Сербіей были прерваны, и австро-венгерскій посланникъ со своимъ штатомъ покинулъ Бѣлградъ.

Вѣнское „Corespondenz-Bureau" о сербской нотѣ опубликовало слѣдующее:

„Баронъ Гисль по прїѣздѣ своемъ Вѣну 13 іюля доставилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ сербскую отвѣтную ноту на требованія Австро-Венгріи. Эта нота имѣетъ цѣлью вызвать ложное впечатлѣніе, будто сербское правительство готово въ широкой мѣрѣ удовлетворить поставленныя монархіей требованія. Главнымъ же образомъ нота проникнута духомъ неискренности, ясно указывающей, что сербское-правительство серьезно не намѣревается положить конецъ своей преступной терпимости, проявляющейся имъ до сего времени по отношенію къ направленнымъ противъ монархіи козням.

Какъ въ отношеніи общихъ основъ нашего выступленія, такъ и въ отношеніи частностей, предъявленныхъ монархіей требованій, сербская отвѣтная нота содержитъ столь широкія оговорки и ограниченія, что и дѣйствительно сдѣланныя сербскимъ правительствомъ уступки лишаются всякаго значенія.

Въ особенности подъ ничтожнымъ предлогомъ было совершенно отклонено наше требованіе объ участіи австро-венгерскихъ органовъ въ розыскѣ находящихся на сербской территоріи участниковъ заговора.

Наше требованіе, чтобы сербское правительство приняло необходимыя мѣры, дабы закрытыя, враждебныя монархіи общества не возобновили своей дѣятельности подъ другимъ названіемъ и въ другой формѣ, совершенно игнорируется.

Такъ, находящіяся въ австрійской нотѣ отъ 10 іюля требованія, въ виду того отношенія, которое до сихъ поръ проявляла Сербія, представляютъ собою минимумъ того, что необходимо для обезпеченія прочнаго спокойствія на юго-востокѣ монархіи, то сербская нота должна была быть признана неудовлетворительной.

Впрочемъ, сербское правительство само сознавало, что нота его для насъ непріемлема; это доказывается тѣмъ фактомъ. что оно въ концѣ ноты предлагаетъ урегулировать споръ третейскимъ судомъ.

Это предложеніе получаетъ правильное освѣщеніе, благодаря тому обстоятельству, что уже три часа до передачи ноты, состоявшейся лишь за нѣсколько минутъ до истеченія установленнаго Австро-Венгріей срока, началась мобилизація сербскихъ войскъ“.

Послѣ такой официальной декларации вѣнскаго правительства и вытекающей изъ нея угрозы обще-европейскому миру, — въ Англіи возникла попытка уладитъ конфликтъ путемъ международной конференціи.

14-го іюля въ палатѣ общинъ, во время объясненія относительно настоящаго европейскаго кризиса, сэръ Эдуардъ Грей сообщилъ, что англійскимъ посламъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Римѣ предложено запросить французское, германское и итальянское правительства, согласны ли они, чтобы ихъ представители въ Лондонѣ собрались съ сэромъ

Эдуардомъ Греемъ во главѣ на конференцію для обсужденія мѣръ къ улаженію существующихъ нынѣ затрудненій. Въ то же время Грей предложилъ представителямъ Великобританіи въ Вѣнѣ, Петербургѣ и Бѣлградѣ сообщить правительствамъ, при коихъ они аккредитованы, предложеніе о конференціи и просить ихъ прекратить военныя операціи впредь до результатовъ конференціи.

Франція и Италія согласились поддерживать предложеніе сэра Эдуарда Грея, что-же касается Германіи, то по словамъ корреспондента телеграфнаго агенства, вопросъ о посредничествѣ встрѣченъ берлинскимъ правительствомъ также сочувственно.

Однако, въ оффиціальныхъ кругахъ указывалось, что предложеніе это не было подвергнуто тщательной разработкѣ, и при ближайшемъ изученіи этого предложенія возникали различныя сомнѣнія въ возможности его практическаго осуществленія. Главнымъ образомъ возбуждалъ сомнѣнія вопросъ о томъ, пріемлима ли вообще мысль о конференціи 4 державъ, на судъ которыхъ оффиціально привлекаются Россія и Австрія.

Подъ вліяніемъ крайне уклончиваго отвѣта Германіи и Римъ, снесшись съ Берлиномъ, сталъ отступать.

Сэръ Эдуардъ Грей, со своей стороны, заявилъ, что въ случай объявленія обще-европейской войны *Англія не останется безучастной.* Заявленіе это было подтверждено и англійскимъ посломъ въ Берлинѣ: защищая равновѣсіе, Англія должна дѣйствовать сообща съ Россіей и Франціей.

Объявленіе войны между Австро-Венгріей и Сербіей состоялось 15-го іюля въ 12 ч. дня.

Въ экстренномъ выпускѣ вѣнскаго офиціальнаго органа сообщалось:

„Такъ какъ королевское сербское правительство не отвѣтило удовлетворительнымъ образомъ на ноту, переданную ему австро-венгерскимъ посланникомъ въ Бѣлградѣ 10 (23) іюля 1914 г., императорское и королевское правительство вынуждено само выступить на защиту своихъ правъ и интересовъ и обратиться съ этой цѣлью къ силѣ оружія.

Австро-Венгрія считаетъ себя съ настоящаго момента на положеніи войны съ Сербіей“.

По поводу объявленія войны Императоръ Францъ-Іосифъ послалъ мин.-президенту гр. Штюргку слѣдующее собственноручное письмо и манифестъ:

„Дорогой графъ Штюргкъ.

Я счелъ нообходимымъ поручивъ министрамъ моего двора и иностранныхъ дѣлъ довести до свѣдѣнія королевскаго сербскаго правительства о наступленіи положенія войны между австро-венгерской монархіей и Сербіей. Въ этотъ роковой часъ я чувствую потребность обратиться къ возлюбленнымъ моимъ народамъ. Въ виду этого я поручаю вамъ довести до всеобщаго свѣдѣнія прилагаемый при семъ манифестъ.

Францъ-Іосифъ“.

Манифестъ

Къ моимъ народамъ.

Моимъ искреннѣйшимъ желаніемъ было посвятить тѣ годы, которые мнѣ еще будутъ предоставлены Божіей милостью, дѣламъ мира и охранить мои народы отъ тяжелыхъ жертвъ и тяготъ войны. Но Провидѣніе судило иначе. Происки преисполненнаго ненавистью противника вынуждаютъ меня ради охраненія моей монархіи, для защиты ея престижа и ея державнаго положенія, а равно для охраненія ея достоянія, послѣ долгихъ лѣтъ мира взяться за мечъ.

Обнаруживъ быструю забывчивость и неблагодарность, сербское королевство съ самаго начала своей государственной самостоятельности и до самаго послѣдняго времени встрѣчавшее поддержку и поощреніе какъ со стороны моихъ предковъ, такъ и съ моей,—уже нѣсколько лѣтъ, какъ вступило на путь открытой враждебности по отношенію къ Австро-Венгріи.

Когда, послѣ 30-лѣтней мирной плодотворной работы въ Босніи и Герцоговинѣ, я распространилъ свои державныя права на эти земли, это мое распоряженіе вызвало въ королевствѣ Сербіи, права которой ни мало не были нарушены, взрывы неудержимой страстности и самой ожесточенной ненависти. Мое правительство воспользовалось тогда преимуществами болѣе сильнаго и съ крайне снисходительностью и мягкостью потребовало отъ Сербіи только уменьшенія ея арміи до мирнаго ея состава, а также обѣщанія слѣдовать впредь по пути мира и дружбы.

Руководствуясь тѣмъ же духомъ умѣренности, мое правительство два года тому назадъ, когда Сербія вела войну съ турецкой имперіей, ограничилось лишь охраненіемъ самыхъ важныхъ жизненныхъ условій монархіи.

Лишь благодаря этому занятому нами тогда положенію Сербія главнымъ образомъ достигла своихъ цѣлей въ войнѣ. Однако, надежда на то, что сербское королевство сумѣетъ оцѣнить долготерпѣніе и миролюбіе моего правительства и что оно сдержитъ данное имъ слово—не оправдалась. Все болѣе разгарается ненависть противъ меня и моего дома и все болѣе открыто обнаруживается стремленіе насильно отторгнуть отъ монархіи неотдѣлимыя области Австро-Венгріи.

Преступная дѣятельность стала распространяться черезъ границы ставя себѣ цѣлью подорвать основы государственнаго порядка на юго-востокѣ австро-венгерской монархіи, поколебать у народа, которому я, преисполненный монаршей любви, посвящаю всѣ свои заботы, его вѣрноподданическія чувства къ царствующему дому и отечеству, смутить подростающую молодежь и, подстрекнуть ее къ преступнымъ злодѣяніямъ безумію и къ государственной измѣнѣ.

Цѣлый рядъ покушеній на убійство, планомѣрно подготовленный и выполненный заговоръ. ужасный успѣхъ котораго глубоко ранилъ, какъ мое сердце, такъ и сердца всѣхъ моихъ вѣрныхъ народовъ, образуютъ далеко видный кровавый слѣдъ тѣхъ тайныхъ махинацій, которыя были предприняты и направляемы Сербіей,

Этимъ невыносимымъ проискамъ долженъ быть поставленъ предѣлъ, и безпрестаннымъ вызовамъ Сербіи долженъ быть положенъ конецъ, чтобы сохранить честь и достоинство моей монархіи отъ ущерба и избавить ея государственное, экомомическое и военное развитіе отъ постоянныхъ потрясеній.

Тщетно моимъ правительствомъ была сдѣлана послѣдняя попытка достигнуть этой цѣли мирными средствами и путемъ серьезнаго увѣщеванія побудить Сербію измѣнить свой образъ дѣйствій. Сербія отклонила умѣренныя и справедливыя требованія моего правительства и отказалась исполнить тѣ обязанности выполненіе которыхъ въ жизни народовъ и государствъ составляетъ единственную и необходимую основу мира.

Въ виду этого я вынужденъ приступить къ тому, чтобы силою оружія создать тѣ необходимыя гарантіи, которыя должны обезпечить моимъ государствамъ внутреннее спокойствіе и длительный миръ извнѣ.

Въ этотъ серьезный часъ я отдаю себѣ полный отчетъ во всемъ значеніи моего рѣшенія и моей отвѣтственноети передъ Всемогущимъ; мною все взвѣшено и обдумано и со спокойной совѣстью я вступаю на путь, который мнѣ указываетъ мой долгъ.

Я уповаю на мои народы, которые въ теченіе всѣхъ бурь всегда согласно и вѣрно толпились вокругъ моего престола и которые за честь величіе и мощь своего отечества всегда были готовы приносить самыя тяжелыя жертвы. Я уповаю на храбрую и преисполненную самоотверженнаго воодушевленія военную мощь Австро-Венгріи и уповаю также на Всемогущаго, что Онъ дастъ моему оружію побѣду.

Францъ-Іосифъ".

Контрасигнировалъ мин.-презид. гр. Штюргкъ.

Манифестъ Францъ Іосифа встрѣтилъ рѣдкую критику русской печати. Вотъ что писали въ „Днѣ“:

„Манифестъ въ болѣе упрощенной формѣ воспроизводитъ общія разсужденія австрійскаго ультиматума. То, что въ дипломатическомъ документѣ читалось между строкъ, здѣсь сказано открыто; сараевское убійство ставится въ вину не отдѣльнымъ лицамъ, а сербскому государству, объявляется одной изъ „махинацій, которыя были предприняты и направляемы Сербіей“. Это все та же игра на чувствѣ моральнаго негодованія, вызываемаго убійствомъ, какъ и въ ультиматумѣ. Только здѣсь, гдѣ австрійскій монархъ обращается къ „своимъ народамъ“, краски наложены гуще, штриховка грубѣе, все это въ разсчетѣ на болѣе примитивные вкусы толпы...

Съ 1866 г. Австро-Венгрія не вела войны. Тогда Францъ-Іосифъ посылалъ нѣмецкихъ подданныхъ воевать противъ Пруссіи. Теперь на склонѣ лѣтъ онъ снова призываетъ къ оружію, и снова война получаетъ братоубійственный характеръ. Противъ сербовъ королевства должны поднять оружіе сербы монархіи габсбурговъ. Военное вѣдомство постарается послать на театръ войны полки, набранные изъ другихъ народовъ многоязычнаго государства, но это не мѣняетъ дѣла, ибо войну ведетъ вся страна, каждый гражданинъ является ея участникомъ, испытываетъ ея тягости, хотя бы онъ и не стоялъ передъ врагомъ съ оружіемъ въ рукахъ...

Нынѣшняя война съ ея необозримыми послѣдствіями можетъ оказаться для монархіи Габсбурговъ самымъ роковымъ событіемъ“...

Манифестъ австро-венгерскаго императора впервые съ большой откровенностью излагаетъ всѣ причины гоненія на Сербію полагая тѣмъ самымъ конецъ всѣмъ недоумѣніямъ. Оказывается Сербія все время отвѣчала Австріи черною неблагодарностью; за безконечныя поддержки оказанныя габсбургской монархіи. Т. к. существованіе независимаго сербскаго государства рядомъ съ Босніей и Герцоговиной, на которыя императоръ „распространилъ свои державныя права“, является постоянной угрозой внутреннему и внѣшнему миру Австро-Венгріи, Фрапцъ-Іосифъ, чтобы избавить свою монархію отъ постоянныхъ тревогъ, видитъ только одно средство: создать желаемыя гарантіи для своего спокойствія, уничтоживъ опасность въ самомъ источникѣ.

Сербскій министръ-президентъ Пашичъ по поводу объявленія войны заявилъ сотруднику „Matin“:

„Справедливость на нашей сторонѣ. Мы сдѣлали все,

возможное, чтобы идти на встрѣчу требованіямъ Австріи, но мы сознаемъ свою отвѣтственность передъ страной и передъ цивилизованнымъ міромъ. Мы дошли до послѣднихъ границъ уступчивости:—пусть міръ насъ судитъ Россія, Франція и Англія не покинутъ насъ въ моментъ нападенія на насъ большой сосѣдней державы, которая своей нотой посягаетъ на наше политическое существованіе и на наше суверенное право".

Въ ночь на 16-ое іюня начались военныя дѣйствія. Мостъ на Савѣ между Бѣлградомъ и Землинымъ взорванъ сербами. Король, министры, правительственныя учрежденія и войска покинули столицу, перейдя въ Крагуевацъ. Беззащитный Бѣлградъ былъ взятъ австрійцами и преданъ разрушенію и огню.

Терпѣнію Россіи наступилъ предѣлъ. Именемъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 16-го іюля с. г. въ Россіи объявлена мобилизація въ губерніяхъ: Костромской, Московской, Владимірской, Нижегородской, Казанской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Кіевской, Курской, Подольской, Полтавской, Харьковской, Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Астраханской.

Германія словно ждала отъ Россіи указа о мобилизаціи!—предложивъ Русскому Правительству отмѣнить таковую въ продолженіе 12-ти часовъ и, разумѣется. получивъ на это предложеніе категорическій отрицательный отвѣтъ, она объявила Россіи войну.

Объявленіе Германіей войны Россіи послужило сигналомъ къ обще-европейской войнѣ!

Этого слѣдовано ожидать... Къ этому *всѣ* посильно приготовились...

Вооруженныя силы Австро-Венгрiи и Сербiи.

Австро-Венгрiя.

Вооруженныя силы Австро-Венгрiи составляютъ три совершенно самостоятельныя армiи, изъ которыхъ каждая управляется совершенно особымъ военнымъ министерствомъ, именно:

I Имперская армiя и флотъ;

II Австрiйскiй ландверъ;

III Венгерскiй ландверъ (гонведъ).

Въ составъ каждой армiи входятъ:

а) всѣ лица, служащiе подъ знаменемъ въ дѣйствующихъ войскахъ, т. е. отбывающiе воинскую повинность;

б) всѣ лица, служащiе въ войскахъ т. е. находящiеся въ резервѣ армiи и ландвера;

в) зачисленные въ рекрутскiй запасъ, именно лица, пользующiеся по законамъ особыми льготами (по званiю и по семейнымъ обстоятельствамъ), и весь излишекъ ежегоднаго призыва.

Всѣ граждане въ возратѣ отъ 19 до 42 лѣтъ, не состоящiе въ войскахъ и отбывшiе полный срокъ пребыванiя въ резервѣ, зачисляются въ ландштурмъ (австрiйскiй или венгерскiй), въ зависимости отъ того, въ какомъ подданствѣ находится призываемый. Ландштурмъ дѣлится на два призыва; къ первому принадлежитъ 19 младшихъ возраста, отъ 19 до 37 лѣтъ включительно; ко второму—остальные 5 классовъ.

По новому законопроекту численность австро-венгерской армiи въ мирное время является 450.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на 16 корпусовъ, имѣющихъ каждый по три пѣхотныхъ дивизiи, т. е. всего 48 дивизiй пѣхоты. Австрiйская дивизiя меньше русской, имѣющей каждая по четыре полка въ австрiйской же ихъ только отъ двухъ до трехъ, такъ что всего въ австро-венгерской армiи 102 пѣхотныхъ полка; кромѣ того имѣются 15 драгунскихъ полковъ и 11 уланскихъ и столько же гусарскихъ, причемъ послѣднiе исклю-

чительно венгерскіе. Австрійская кавалерія сведена въ 10 дивизій. Что касается артиллеріи, то число орудій въ австро-венгерской арміи опредѣляется штатами въ 2,261.

Таковы силы Австро-Венгріи въ мирное время.

Что касается военнаго времени то, считая мобилизованную постоянную армію и резервы, въ видѣ австрійскаго ландвера и венгерскаго гонведа,—число людей, призванныхъ подъ ружье, можетъ быть до 2,500,000. Вся эта армія не можетъ быть, конечно, двинута на сербовъ, такъ какъ необходимо защищать и заслонять и другія, легко уязвляемыя границы, да и собственныя провинціи нельзя оставить безъ войскъ, въ особенности же славянскія земли.

Въ мирное время изъ 16 корпусовъ австро-венгерской арміи 5 расквартированы на сѣверѣ, 4 корпуса—въ центральной части имперіи по обѣимъ берегамъ Дуная, 2—на западной, швейцарской и итальянской границѣ и 5—на южной границѣ.

Въ непосредственномъ неприкосновеніи съ Сербіей и Черногоріей находятся: XVI боснійскій, XV герцоговинскій, XIII загребскій, IV будапештскій и VII темешварскій корпуса, насчитывающіе въ мирное время до 125 тысячъ штыковъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа въ настоящее время мобилизованы восемь австрійскихъ корпусовъ —немногимъ больше 400.000 чел.

Что же касается призыва резервистовъ, то необходимо отмѣтить, что вслѣдствіе колоссальной эмиграціи за океанъ (въ одной Америкѣ находится свыше 500.000 австрійскихъ запасныхъ)—призывъ ихъ будетъ очень затруднительнымъ.

Что касается *нравственнаго* состоянія войскъ Францъ-Іосифъ, можно сказать словами А. Шерадама, что давно прошло то время, когда австро-венгерская армія, дѣйствительно, находилась въ рукахъ вѣнскаго правительства. Это было въ тѣ времена, когда всѣ офицеры были нѣмцы, и когда славяне, составлявшіе большинство въ войскахъ, не имѣя опредѣленнаго сознанія своей національности, послушно давали себя вести на какое бы то ни было поле сраженія и храбро дрались за честь Габсбурговъ. Національ-

ныя движенія, содѣйствовавшія въ различной степени политическому образованію каждаго отдѣльнаго лица изъ жителей Цислейтаніи, измѣнили этотъ порядокъ вещей.

Извлекая выгоду изъ своего умственнаго развитія, славяне уже лѣтъ двадцать какъ поступаютъ въ военныя училища, такъ что они теперь образуютъ приблизительно треть молодыхъ офицеровъ. Среди простыхъ рядовыхъ славяне сохранили подавляющее большинство.

По статистикѣ, недавно опубликованной тріестской „Славянской Мыслью" (17 ноября 1906 года), въ австрійской арміи насчитывается 430,000 Славянъ, 227,230 Нѣмцевъ. 122,234 Мадьяръ, 47,286 Румынъ, 13.669 Итальянцевъ.

Во всѣ времена нѣмецкіе офицеры проявили сильное отвращеніе къ изученію славянскихъ языковъ. Любопытный фактъ, происшедшій въ Богеміи во время Императорскихъ маневровъ 1885 года, указываетъ на проистекающее отсюда прискорбное положеніе вещей.

Чешскій кавалеристъ галопомъ подскакиваетъ къ батарейному командиру и доноситъ ему что-то на своемъ языкѣ. Командиръ требуетъ объясненія по нѣмецки. „Nerozumim" (не понимаю), — отвѣчаетъ чехъ. Въ эту минуту вдругъ является польскій уланъ и передаетъ какое-то приказаніе. „Вы говорите по-нѣмецки?" — спрашиваетъ командиръ. „Nezmàn" (не понимаю),—отвѣчаетъ полякъ. Онъ собрался уѣзжать, когда венгерскіе гусары прискакали съ извѣстіеъ, которое, судя по ихъ волненію, казалось весьма важнымъ. Къ нимъ также обратились съ вопросомъ по-немѣцки и они также отвѣтили: „Nemtudom" (не понимаемъ).

Это лингвистическое неудобство, которое всегда было весьма важно, еще возросло послѣ ожесточенія національной борьбы.

Пруссофильская кампанія внесла окончательную рознь въ нравственномъ отношеніи въ австрійскую армію, могущество которой вслѣдствіе этого серьезно подорвано. Въ составѣ офицеровъ А. Шеведанъ различаетъ три группы: славянскіе офицеры, воздерживающіеся отъ всякихъ манифестацій и исключительно посвящающіе себя исполненію своихъ обязанноей, но въ сущности не питающіе ни малѣй-

шихъ симпатій къ нѣмцамъ; послѣдніе раздѣляются на двѣ части: самая многочисленная остается вѣрной Австріи и лично преданной дому Габсбурговъ, но наряду съ этими офицерами быстро возрастаетъ группа пруссофильскихъ офицеровъ, пангерманистовъ.

Вражда между славянскими и нѣмецкими элементами арміи настолько сильна, что высшее начальство вынуждено заставлять солдатъ наблюдать за офицерами, а офицеровъ—за солдатами. Для примѣненія этой системы тщательно стараются, послѣ каждаго производства, опредѣлять славянскихъ офицеровъ въ войска съ нѣмецкимъ большинствомъ, а нѣмецкихъ офицеровъ—въ полки, въ которыхъ большинство солдатъ славяне; этотъ пріемъ не совершененъ вслѣдствіе малаго числа нѣмецкихъ офицеровъ, говорящихъ на славянскихъ языкахъ, и еще болѣе увеличиваетъ значеніе вышеуказаннаго лингвистическаго неудобства.

Покончимъ съ личнымъ составомъ вооруженныхъ силъ Австро-Венгріи, укажемъ попутно, что граница между Австріей и Россіей имѣетъ видъ ломанной линіи длиною около 750 верстъ, образуетъ два участка: одинъ обращенъ фронтомъ къ Варшавѣ, другой—къ Кіеву. Естественнымъ оплотомъ для австро-венгерской монархіи съ сѣверо-востока является Карпатскій хребетъ. Однако, впереди его лежитъ Галиція, причемъ отрѣзки рѣкъ Вислы и Сана въ Западной Галиціи представляютъ собою препятствіе только на протяженіи около 220 верстъ, да внутри края имѣется оборонительная линія по рѣкѣ Днѣстру. Въ виду этого, недавно начался рядъ форфикаціонныхъ работъ по усиленію крѣпостей Галиціи, на что отпущены Австро-Венгерскимъ правительствомъ чречвычайные кредиты.

Укрѣпленія и крѣпости Галиціи размѣшены вдоль линіи Краковъ—Львовъ, и по оборонительной линіи рѣки Днѣстра.

Пункты эти слѣдующіе:

1) Большая крѣпость-лагерь Краковъ, обезпечивающая австро-венгерскихъ корпусамъ переправу черезъ Вислу по двумъ мостамъ: желѣзнодорожному и обыкновенному. Крѣпость вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ и обез-

печена отъ атаки открытой силой. Для прикрытія отъ дѣйствія фугасныхъ бомбъ на фортахъ имѣются бетонные казематы и броневыя сооруженія, вооруженныя артиллеріей.

2) Двойное предмостное укрѣпленіе, такъ называемый тетъ-де-понъ у Ярослава, гдѣ имѣется также мостъ для переправы.

3) Большая крѣпость-лагерь Перемышль на рѣкѣ Санѣ, затрудняющая противнику переправу черезъ рѣку Санъ. Укрѣпленія крѣпости состоятъ изъ пояса современныхъ фортовъ съ промежуточными укрѣпѣленіями, обезпечивающими отъ прорыва непріятелемъ въ промежутковъ между фортами и многочисленныхъ батареѣ, расположенныхъ позади промежутковъ между фортами.

4) Крѣпость Львовъ, построенная въ концѣ 80-хъ годовъ, охраняющая (впрочемъ же вполнѣ удовлетворительно) важный узелъ желѣзныхъ дорогъ.

5) Для обезпеченія переправъ черезъ рѣку Днѣстръ имѣется четыре тэтъ-де-пона у Николаева, Галича, Сивка и Залѣсскаго. Они состоятъ каждое изъ нѣсколько земляныхъ укрѣпленій и ряда незащищенныхъ батарей.

Кромѣ этихъ главныхъ крѣпостей и укрѣпленій, австрійскій генеральный штабъ для противодѣйствія вторженію кавалерійскихъ массъ противника создалъ обширную сѣть мелкихъ укрѣпленій вдоль всей границы и на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ. Это—такъ называемые „Objektsicherungen“, многочисленные укрѣпленные посты у важнѣйшихъ искусственныхъ сооруженій: мостовъ, узловыхъ станцій, переваловъ, тоннелей, віадуковъ и проч. Посты эти устроены въ большомъ числѣ въ самой Галиціи у въ Карпатахъ. Каждый постъ представляетъ собою небольшой блокгаузъ, крытый бетономъ, снабженный бойницами для ружей и окруженный сѣтью проволочныхъ загражденій.

Вся эта система укрѣпленій въ Галиціи весьма недостаточна и не отвѣчаетъ своему серьезному назначенію. Года черезъ два эти недостатки должны были быть устранены Австро-венгерскимъ правительствомъ, но нынѣшнія событія оборвали въ корнѣ всю планомѣрную работу.

Сербія.

Сербская армія раздѣляется на: 1) народное войско и 2 ополченіе (послѣдняя отбрана).

Народное войско раздѣляется на три призыва:

1) Первый призывъ состоитъ изъ постояннаго кадра и его резерва.

2) Второй призывъ состоитъ изъ людей, выслужившихъ положенные сроки въ I-мъ призывѣ. Кадровъ нѣтъ.

3) Третій призывъ состоитъ изъ людей, перечисленныхъ изъ второго призыва по прослуженіи установленныхъ сроковъ. Кадровъ нѣтъ.

Ополченіе состоитъ изъ 2-хъ призывовъ — въ первомъ числятся молодые люди, отъ 18 до 21 лѣтняго возраста, во второмъ отъ 45 до 50 лѣтняго возраста.

Полевая сербская арміи, пригодная для наступательныхъ дѣйствій, можетъ быть опредѣлена въ 15 дивизій силой по 16-ти батальоновъ, 3 эскадрона кавалеріи (резервныя дивизіи—2 эскадрона), 36 орудій и 2 инжененыя роты. Кромѣ 15-ти полевыхъ дивизій 1-й и 2-й очередей, къ дѣйствующей арміи необходимо причислить еще отдѣльную кавалерійскую дивизію изъ 4-хъ полковъ (16 эскадроновъ и 8 орудій), 1 полкъ горной артиллеріи изъ 9-ти батарей (36 орудій), 1 полкъ тяжелой полевой артиллеріи изъ 6-ти батарей (24 орудія), желѣзнодорожный и понтоной батальоны (3 ротъ), минную и телеграфную роты, а также осадный паркъ (до 60-ти орудій).

Всего въ дѣйствующей арміи можно считать 240 батальоновъ пѣхоты, 56 эскадроновъ кавалеріи, 167 батарей и 40 инженерныхъ ротъ, общей численностью до 262,000 нижнихъ чиновъ при 668 орудіяхъ и 186 пулеметахъ.

Общій итогъ вооруженныхъ силъ Сербіи вмѣстѣ съ запасными войсками долженъ привысить 450.00 человѣкъ. Если сюда причислить черногорскую армію—которая, примкнетъ къ войнѣ, добровольцевъ изъ другихъ странъ—также возставшія войска въ Босніи и Герцоговинѣ—то можно думать, что общее количество сербскихъ вооруженныхъ силъ будетъ около 600.000 человѣкъ.

На сторонѣ сербской арміи, несомнѣнно, имѣются многія важныя преимущества. Сербія располагаютъ, прежде всего, боевымъ опытомъ двухъ кампаній, совершенныхъ при очень тяжелыхъ мѣстныхъ условіяхъ въ горахъ и ущельяхъ Македоніи. Затѣмъ сербская армія отлично вооружена; матеріальная часть артиллеріи безусловно лучше австрійской. При наступленіи въ предѣлы Сербіи австрійскій главнокамандующій долженъ совершить рискованную операцію переправы черезъ широкія и быстрыя рѣки, ограждающія Сербію съ сѣвера и запада—Дунай, Саву и Дрипъ. Если сербскій главнокомандующій обрушится со всѣми силами на австрійскія войска прежде, чѣмъ они успѣютъ сосредоточиться послѣ переправы,—вполнѣ возможно, что австрійцы понесутъ нѣсколько частныхъ пораженій. Конечно, на сторонѣ Австріи численное превосходство силъ и громадные матеріальные рессуры, неизмѣримо превышающія средства сербской націи. Но не надо забывать, что сербы сражаются за свою свободу и независимость у себя дома.

І. Табурно, бывшій очевидецъ войны сербовъ съ турками въ 1912 г., такъ передаетъ свои впечатлѣнія о сербскихъ войскахъ: „Сознаніе необходимости побѣды сдѣлало сербскія войска тѣмъ, чѣмъ они стали, тѣмъ, что они теперь есть. Вѣдь какъ никакъ, а сербскія войска полумилиціонныя, съ сравнительно недостаточной подготовкой, за исключеніемъ артиллеріи. Съ недостаточнымъ числомъ офицеровъ, какъ бы они хороши не были. Со своеобразно весьма демократической въ мирное время дисциплиной, не признаваемой крѣпкою въ другихъ образцовыхъ арміяхъ. Все подъ чувствомъ сознанія и глубокаго воодушевленія преобразилось. Дисциплина образцовая. *Селяне, начальники департаментовъ, судьи, адвокаты, инженеры, прислуга, рабочіе, всѣ одинаково, всѣ пунктуально исполняютъ приказанія старшихъ*—безприкословно и даже охотно, какъ бы тяжело не было. Безропотно переносятъ всякія лишенія. Куда исчезла критика мирнаго времени. Какъ будто ея и не было. Нѣтъ хлѣба: что дѣлать. значитъ не успѣли, значитъ не могли; не то, что:—почему нѣту хлѣба, безобразіе

и т. д. Нѣтъ—крѣпятся, голодные идутъ впередъ, мѣшкать нельзя, нельзя врагу дать передохнутъ. Нужно его преслѣдовать".

Замѣчательное довѣріе создалось въ сербской арміи по словамъ І. Табурно между артиллеріей и пѣхотой. „Сербская пѣхота обожатъ свою артиллерію. Она спокойна, когда за нею идутъ пушки, а артиллерія спокойна, когда видитъ передъ собою свою пѣхоту. Не разъ приходилось видѣть, какъ пѣхота, проходя мимо орудій, прикладывалась къ нимъ какъ къ иконамъ. Проходитъ баталіонъ пѣхоты, солдаты проходятъ и цѣлуютъ пушки, приговаривая: „вотъ надежда наша". Батарейный командиръ командуетъ: „шапки долой передъ нашей защитницей". Общій «живіо», солдаты пѣхотинцы обнимаются съ артилеристами".

«Въ арміи—продолжаетъ очевидецъ—громадное значеніе имѣетъ довѣріе одного рода оружія къ другому. Это довѣріе всякая армія должна насаждать и развивать. Это давѣріе есть залогъ побѣды. Кромѣ этого прекраснаго качества я замѣтилъ въ сербской арміи еще два достоинства, которыя необходимо насаждать и развивать въ каждой арміи. Первое—созненіе, что офицеръ является тою силою, которая ведетъ къ побѣдѣ. Поэтому сербскіе солдаты страшно берегли своихъ офицеровъ и особенно начали беречь послѣ того, какъ выяснилась сравнительно большая потеря ихъ. Солдаты все время говорили офицерамъ: «не выставляйтесь, берегитесь, мы сами пойдемъ». Эта заботливость объ офицерѣ имѣетъ и другое значеніе: она способствуетъ развитію у солдатъ инициіативы, они стараются обойтись безъ указанія офицера, чтобы не вызвать для него опасности, чтобы офицеръ служилъ для общаго руководительства. Вообще отношеніе между офицерами и солдатами въ сербской арміи очень сердечны. Въ сербской арміи, такъ же какъ и въ русской, офицеръ здоровается съ солдатами, онъ здоровается словами: «помозъ Богъ (помоги Богъ) а солдаты отвѣчаютъ «Богъ помоги». Очень мило—сердечно. Я пришелъ къ выводу, что сербская артиллерія прекрасна, что она въ мирное время наилучшимъ образомъ подготовлялась».

Грядущій день.

Съ того же времени, какъ Австрія была исключена изъ германскаго союза, центръ тяжести ея политики перенесся на востокъ. Тамъ она сдѣлалась естественной соперницею Россіи, которой нѣкоторыя христіанскія народности Турціи обязаны своимъ освобожденіемъ и которой можетъ принадлежать первостепенная роль въ разрѣшеніи восточнаго вопроса.

Автрія всегда была слабѣе Россіи, но съ теченіемъ времени отношеніе силъ между нами значительно измѣнилось къ невыгодѣ Австрія и постоянно будетъ измѣняться въ томъ же смыслѣ.

Огромный приростъ населенія въ *Россіи, сооруженіе обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ и успѣхи культуры вообще увеличили въ высокой степени наступательную силу Росссіи.*

Но, какъ уже сказано выше, нѣтъ возможности утверждать, что Россія рѣшилась бы на войну, если бы не была принуждена къ ней извнѣ.

Русская политика за послѣднія года, именно по отношенію къ славянамъ, показывало прямо, что сама Россія не только не желала войны, но старалась устранить самые поводы къ столкновеніямъ. Да наконецъ, если даже и предположить, что Россіи не чужды тѣ панславистическіе виды въ будущемъ, какіе ей приписываются заграницей, то осуществленія ихъ она могла-бы спокойно ожидать отъ времени, отъ естественнаго хода дѣлъ.

Вѣдь при почти полутора-милліонномъ ежегодномъ приростѣ населенія, для котораго въ ней еще имѣются огромныя невоздѣланныя пространства, организмъ Россіи становится все *болѣе исполинскимъ, а тѣмъ самымъ* возрастаетъ и его притягательная сила, *подобно тому,* какъ въ тѣлахъ космическихъ съ каждымъ *прибывающимъ* атомомъ усиливается притяженіе. Итакъ, не *внѣшнія,* рискованныя предпріятія, но здравая внутренняя *политика,* своевременно устрояющая прибывающее населеніе, *обезпечивая* равновѣсіе въ его дѣятельности, естественнымъ *ходомъ* вещей

должна современемъ усилить и тяготѣніе къ Россіи славянскихъ народовъ.

Все это „казалось-бы"...

Но если Германія бросаетъ намъ дерзкій вызовъ объявленія войны, мы обрушимся на нее и на ее союзницу Австрію и развѣемъ дѣтскія мечты о „великомъ княжествѣ Кіевскомъ", украшающемъ корону Габсбурговъ.

Франція и Англія стали на нашу сторону противъ тевтоновъ. Англіи помогаютъ Японцы, Канада, Новая Зелонія.

Австро-сербскій конфликтъ былъ сигналомъ къ началу великой всемірной войны, въ которой борятся почти всѣ государства земного шара.

Въ этомъ столкновеніи милліоновъ вооруженныхъ воиновъ предстоитъ великое испытаніе геройскому духу.

Всемірная вспыхнула и ее не потушить какъ какой нибудь костеръ, зажженный около складовъ горючаго матеріала легкомысленнымъ мальчишкой!—Правъ Маколей, говоря, что „война—это огонь, который нельзя засыпать; онъ сильно горитъ водъ золою, и долго спустя, послѣ того, какъ то всему казалось-бы, что онъ потушенъ, прорывается сильнѣе, чѣмъ когда либо".

Какъ-бы то ни было и что-бы то ни было, будемъ помнить, что великая Россія выходила съ честью и изъ болѣе тяжкихъ испытаній.

Не мы хотѣли войны. Но если по чужой волѣ ея часъ наступилъ,—мы готовы. Съ нами Богъ! и да поможетъ Онъ русскому оружію наказать дерзкаго нарушителя международнаго міра.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧЕРНОГОРІЯ
МОРЕ

– 60 к

Тип. „Современное Искусство“. С. П. Б. Офицерская 60.

